Виктор Алеветдинов

ЛИК

Книга 4

Республика доступа

Социальная антиутопия

Виктор Алеветдинов

Лик

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Лик / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Утром Яна Мерц видит себя в официальном эфире. Её лицо, её голос, привычный поворот головы. Только этих слов она не произносила.Она знает, как делают такие записи: годами превращала чужие жалобы в убедительные благодарности. В Республике Доступа удачный ролик может заменить человеку помощь — и закрыть его обращение. Теперь Яна готовит одиннадцать минут прямого эфира, в котором люди смогут говорить сами.Но одни боятся потерять работу, другие поддерживают порядок, а её сестра не хочет становиться лицом протеста. За теми, кто хранит записи, уже идут. Чтобы добиться правды, Яне придётся показать и собственное участие во лжи. А самое удобное оружие против неё — лицо, которому зрители привыкли верить.«Лик» — самостоятельная история цикла «Республика Доступа» о будущем, где право на голос нужно защищать даже от тех, кто хочет тебя спасти.

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лицо для спокойствия 5
Глава 2. Житель закрытого корпуса 9
Глава 3. Неудачный дубль 13
Глава 4. Чужая благодарность 17
Глава 5. Сестра вне кадра 21
Глава 6. Цена спокойствия 26
Глава 7. Право забрать запись 31
Глава 8. Зал чужих лиц 35
Глава 9. Лестница без зрителей 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Виктор Алеветдинов
Лик

Глава 1. Лицо для спокойствия

День 1. 08:10–09:00.

На записи женщина сдвинула рукав поверх рабочего браслета и посмотрела мимо камеры. Яна вернула бегунок на начало: этот взгляд придётся убрать, иначе зритель начнёт искать человека, который стоял рядом со съёмочной стойкой. До сдачи первого ролика оставалось меньше часа. За стеклом монтажной над переходом Среднего Контура проплывали крыши вагонов; в восемь десять они шли почти без промежутков.

— Спасибо за переобучение. Только… Можно теперь про смену? Мне её вчера отменили. Верните, пожалуйста, хотя бы эту, за дорогу уже сняли.

Женщину звали Вера Лан. Большим пальцем она тёрла костяшку указательного. Яна укрупнила лицо, обрезав руки и край стола. Впереди была просьба о смене; запись она помнила с вечера.

В папке лежало одиннадцать дублей. В первом женщина спрашивала, сколько займёт съёмка, в последнем благодарила за возможность научиться новому. Между ними выяснялось, что на прежний участок её больше не назначали, а на новом требовалось подтверждение курса. Подтверждение задержалось. Учебный день прошёл без оплаты, следующую смену отдали другой работнице.

Для ролика требовалось восемнадцать секунд.

Яна оставила начало благодарности и окончание последнего дубля, где Вера ненадолго улыбнулась оператору. Она убрала вдох на стыке: фраза прозвучала уверенно, улыбка появилась в нужном месте. Яна прослушала результат, чуть вернула шум помещения и откинулась на спинку кресла. Хорошая работа: человек говорил своими словами, склейку нельзя было услышать.

На соседнем экране Вера продолжала тереть палец и ждать ответа. Яна остановила исходник, чтобы движение не отвлекало.

Ролик входил в первую подборку для кампании о возвращении доверия. Вчера её просили показать, что переобучение помогает пережить трудовые сбои. Выход за границы задания в последние месяцы редко приносил пользу исполнителю.

Через проход пустовало место старшего редактора. Его фамилию сняли со стеклянной перегородки после разбирательства из-за медицинских эфиров; на стекле остался более светлый прямоугольник. Яна тогда сохранила работу, хотя её собственные кампании разбирали на тех же совещаниях. Теперь она работала за общим столом. До девяти нужно было подтвердить, что её оставили по делу.

Она отправила ролик на утверждение и потянулась за чашкой. Кофе остыл, сверху плавал маленький клочок пенки. Когда пришёл ответ, Яна ещё пыталась выловить его ложкой.

Подборку приняли. В связанной карточке Веры вместо жёлтой отметки обращения появилась зелёная: «Урегулировано. Принятое решение подтверждено заявительницей».

Яна открыла основание. Им оказался её ролик.

Вера подала просьбу вернуть смену вчера в семнадцать сорок. Съёмку назначили как уточнение к обращению. Теперь подтверждением результата служили восемнадцать секунд благодарности. Ни возвращённой смены, ни начисления за проезд в карточке не было.

Для пересмотра требовалось новое заявление Веры; редактор мог лишь отозвать собственное подтверждение, назвав причину недостоверности материала.

Она ещё раз включила короткую версию. Вера благодарила за переобучение и улыбалась. Всё, что осталось в ролике, она действительно произнесла. Яна закрыла форму отзыва, но карточку обращения оставила под монтажным окном. За чашкой теперь тянуться не хотелось.

В восемь двадцать одну на большом экране над столом появилась Эльза Орлова. Она сидела у окна, из которого виднелась стена соседней террасы. Попечительница видимости посмотрела подборку и попросила вернуть последний кадр.

— Здесь хорошо. Ей веришь.

Яна убрала с рабочего экрана открытую жалобу.

— У неё осталось обращение по отменённой смене.

— Передайте в трудовой отдел.

— Его закрыли после ролика.

Орлова перевела взгляд на Яну. Та узнала эту паузу: от неё ждали предложения. Достаточно было пообещать уточнить связку документов.

— Отправьте уточнение, — сказала Орлова. — Переобучение ей оплатили?

— Курс предоставили. День без оплаты.

— Значит, возможность дали. С остальным пусть разбираются ответственные за смены. Нам нужна кампания целиком, Яна.

На экран пришло новое задание. В заголовке стояло: «Инфекция недоверия». После сорванного выпускного закрепления родители продолжали требовать пересмотра маршрутов. Трудовые жалобы предлагалось включить в ту же кампанию.

Орлова поручила связать сбои с деятельностью Срывников и вернуть людям понятный порядок действий. Переобучение, индивидуальный пересмотр, проверенный канал вместо слухов. Три дня на подготовку, первый вариант сегодня.

— По школьным группам есть подтверждённая связь? — спросила Яна.

— Есть распространение одних и тех же требований. Справку вам откроют.

— Требования родителей или материалы Срывников?

Орлова поправила положение экрана; на секунду стала видна её рука с обычным карандашом.

— Люди вправе беспокоиться о детях. Мы должны помочь им отличить свою тревогу от чужой работы с этой тревогой. Для этого и пригласили вас.

Возражение легко выглядело бы непониманием задачи. Яна приняла файл. Она умела строить такие кампании лучше тех, кто занял освободившиеся места, и хотела, чтобы Орлова это помнила.

Следом пришёл график обновления «Лика». Кампанию требовалось выпустить до смены версии, назначенной через три дня на двадцать три часа. В приложении находилось старое задание на прямую сверку региональных каналов. Яна подписала его ещё на прошлой неделе, когда согласовывала размещение обращений.

Она раскрыла расписание. В 23:00 включался прямой мост по действующей таблице каналов. В 23:11 перезагрузка заменяла таблицу. Между двумя отметками региональные приёмники должны были подтвердить, что получают исходный сигнал.

— На этих одиннадцати минутах текст не меняем, — сказала Орлова. — Техники проверяют совпадение. Обращение подготовьте заранее.

Яна отметила интервал у себя. Внизу задания стояла её подпись. Схемой каналов занимались техники; при согласовании она посмотрела лишь время выхода.

Когда экран погас, она вернула карточку Веры. Уточнение в трудовой отдел ушло за её именем, без отзыва ролика. Срок ответа ещё не назначили. Яна свернула карточку и открыла сводки аудитории: к девяти ей предстояло предложить слова, которым поверят.

В сводках за ночь значились три версии сообщения об одной школьной проверке. Их разослали разным группам родителей. Яна хотела выбрать ту, на которую меньше сердились, и использовать при подготовке обращения.

В первой версии прежние назначения сохранялись до индивидуального пересмотра. Во второй их отменяли и обещали новое распределение. В третьей решение откладывали до окончания проверки. Яна прочла все три подряд. Событие было одно, ответы родителям предлагали разные.

Доля поддержки под каждым сообщением составляла восемьдесят четыре и шесть десятых процента.

Размеры групп и время рассылки различались. Общий показатель перенесли в итоговую справку: ей рекомендовали говорить о возвращении уверенности.

Наверняка подрядчик прикрепил общий результат к трём строкам. Новая служба отчётности работала второй месяц, и с начала недели Яна дважды просила переделать выгрузки. Если найти ошибку до совещания, можно вернуть себе контроль над исследованием. Пока ей оставили лишь право отвечать за результат.

Она составила короткий запрос дежурному аналитику и принялась выбирать кадр для обращения. На заднем плане требовалось живое редакционное пространство. Камеру придётся повернуть, чтобы в него не попало пустое место старшего. Яна передвинула настольный светильник, посмотрела на изображение и вернула его обратно. Мысль о трёх одинаковых числах мешала увидеть кадр.

Ответ аналитика пришёл в рабочий чат: показатели приведены к сопоставимой аудитории, первичные отклики доступны в приложении. Исправление не требуется.

Яна открыла приложение.

Под обещанием сохранить назначения женщина благодарила за то, что детей избавят от неопределённости. Под отменой назначений мужчина писал почти то же самое. В третьей группе окончание проверки называли разумной мерой. Пока всё укладывалось в работу хорошей выборки: люди охотно поддерживали решение, если верили, что оно уже принято.

В следующем отклике Яна узнала мужчину в серой куртке из подборки удачных высказываний. Он говорил без заученной бодрости, иногда признавал неудобства, объяснял, почему всё-таки поддерживает очередное решение. Яна сама рекомендовала показать его авторам обращений: полезный пример того, как звучит спокойный гражданин.

Теперь Вадим Терн одобрял сохранение школьных назначений в первой группе и их отмену во второй. Интервал между откликами составлял меньше минуты. В одном случае это позволяло семьям планировать жизнь, в другом возвращало детям возможность выбора.

Оба отклика вели на один профиль. На домашней фотографии у Терна за плечом сушились кухонные полотенца. Он писал о забитой вытяжке, показывал рассаду на подоконнике, однажды жаловался на доставку. Хорошая бытовая страница. При подготовке героя такие подробности обычно приходилось выпрашивать.

Прочитав отклики вслух, она услышала разные интонации. Первую фразу хотелось произнести с облегчением, вторую — с уверенностью человека, давно требовавшего перемен. Тексты были написаны лучше общей справки.

Терн мог передумать или согласиться, не дочитав условия. Яна добавила в запрос номера двух откликов: в какую группу входил участник?

Ответ начинался с пояснения о пересечении аудиторий. Дальше предлагалось исключить повторный профиль и пересчитать показатели. Яна остановилась перед подтверждением. После пересчёта в основном отчёте останется аккуратная цифра, а разбираться с первой версией будут по заявке, если сочтут нужным. Она много раз соглашалась на такое исправление.

За проходом сотрудница соседнего стола натягивала на стойку фон с изображением работающей редакции. На ткани были нарисованы столы, свет и занятые люди. Яна помогла освободить зацепившийся край и вдруг рассмеялась. Сотрудница тоже улыбнулась.

Вернувшись на место, Яна оставила пересчёт неподтверждённым. Время в углу экрана сменилось на восемь сорок семь. До сдачи оставалось тринадцать минут, а первая фраза обращения всё ещё обещала говорить от имени большинства.

Даний пришёл со стаканом кофе и завёрнутой в бумагу булочкой. Поставил их на край стола, куда Яна всегда отодвигала клавиатуру перед записью. Яна отломила кусок. Булочка оказалась тёплой; она с удовольствием съела её, пока Даний читал обращение.

Он попросил произнести начало, глядя в объектив. Яна сделала пробу. На слове «уверенность» он остановил её.

— Ты сейчас убеждаешь начальство, что справилась. Зритель тут ни при чём.

Она посмотрела на него поверх камеры.

— А начальство убедилось бы?

— Начальство попросило бы ещё уверенности. Давай сначала. Можно сидеть.

Раньше он репетировал с ней большие выступления, после которых её узнавали у транспортных шлюзов. Даний не напоминал о прежних эфирах; за это захотелось рассказать ему про отчёт. Она отложила разговор до конца пробы.

Второй раз получилось лучше. Он попросил не улыбаться перед словами о школьных сбоях и дать людям время услышать обещание проверки. Они несколько минут работали над переходом; ей нравилось, что он замечал нужное раньше, чем она успевала объяснить.

На экране за объективом обновилась строка реакции. По ещё не законченному обращению поступали отклики.

Яна остановила запись.

— Это на что они отвечают?

Даний посмотрел на служебный счётчик.

— На карточку кампании. Туда со вчерашнего вечера пускают. Текст не открыт.

В карточке стояли тема и обещание проверенных разъяснений. Яна свернула окно записи и заменила в закрытом тексте «передышку» на «переналадку». Получилось: «Сейчас городу нужна переналадка».

— Так будешь говорить? — спросил Даний.

— Пока оставь. Хочу проверить одну вещь.

Он отошёл к стойке, чтобы отключить мешавший им верхний свет. Яна сохранила правку. Отметка публикации оставалась пустой; пробная запись ещё содержала прежнюю фразу.

Через семь секунд в ленте появился ответ: «Давно пора заняться переналадкой». Следом женщина с ребёнком на фотографии написала, что её семья поддерживает переналадку. Ещё ниже объясняли, почему она необходима школам. Она отфильтровала новые отклики по слову. Счётчик показал двести восемнадцать откликов и продолжил расти.

Она убрала руки с клавиатуры. В опубликованной карточке этой фразы не было, в записи тоже. Возможно, закрытый текст уходил во внешний просмотр; возможно, в ленту попали тестовые ответы. Но подрядчик представлял эти сообщения как самостоятельную реакцию граждан.

Даний вышел предупредить следующую съёмку. Яна сохранила школьные сообщения, обе версии обращения и отклики со временем поступления. Продление хранения требовало объяснения; она подписала его своим именем и отклонила замену отчёта.

Вадим Терн успел поддержать и переналадку. Яна решила поговорить с ним в девять десять и открыла служебный адрес. На плане Среднего Контура выделился жилой корпус под серой штриховкой: закрыт. Она сверила номер строения и оставила карту рядом с заявкой.

Глава 2. Житель закрытого корпуса

День 1. 09:10–10:15.

В девять десять Яна сидела перед экраном служебной переговорной и ждала, когда Вадим Терн примет вызов. На заставке он стоял у окна, придерживая горшок с рассадой. Рядом вращался значок соединения. За стеклянной дверью провезли тележку с коробками, потом прошёл Даний с камерой под мышкой. Яна повернула к нему ладонь: пока без неё.

Терн не ответил. Зато под карточкой кампании появилось новое его высказывание — о том, что разъяснения нужно слушать внимательно, до конца. Яна сохранила время публикации рядом с неудавшимся вызовом. Человек мог писать с другого устройства, мог не хотеть разговаривать.

Она открыла заявку на подготовку героя передачи. В графе цели указала запись короткого комментария к кампании, в примечании — проверку места съёмки. Это позволяло запросить маршрут группы и историю редакционных контактов. Медицинских карточек и чужих платежей ей не открывали.

Ответ пришёл почти сразу. Адрес совпадал с закрытым корпусом. Время встречи предлагалось согласовать через посредника, а подтверждённых выездов съёмочной группы не значилось. Поле последнего личного контакта осталось пустым.

За два года Терн опубликовал больше шестисот записей. Яна стала искать фотографии вне квартиры. Он носил доски к балкону, готовил еду, показывал рассаду. Иногда стоял у подъезда. Под такими снимками отвечал соседям, жаловался на ступеньку, благодарил мастера за ремонт перил. Редакционная карточка ни разу не подтверждала его присутствия по этому адресу.

Яна увеличила фотографию у подъезда и открыла служебный план корпуса. Между двумя окнами тянулась светлая полоса от снятой вывески. Она была и на снимке Терна, и на фотографии, приложенной к акту закрытия. Сомнений в номере здания не осталось.

Корпус освободили девять месяцев назад. Терн сообщил о переезде четыре месяца назад и ещё три недели спустя показывал, как обустроился. Если даты соответствовали происходившему, он должен был заносить доски в уже закрытое здание.

Яна посмотрела на фотографию кухни. Над плитой висела прихватка с прожжённым краем. Удобная подробность для человека, который должен был выглядеть настоящим. У неё самой дома лежала похожая; выбросить было жалко, хотя брать ею горячую посуду стало неудобно.

Она отодвинула изображение. Прихватка ничего не доказывала. Как и закрытый адрес: в старых зданиях оставались жильцы, технические помещения могли сдать заново, сведения на плане могли устареть. Нужен был человек, встречавшийся с Терном.

Яна позвонила дежурному аналитику, который утром объяснял ей пересечение аудиторий. Олег Таль принял вызов за своим столом.

— Мне нужен герой для обращения. У него в карточке закрытый адрес, а в истории контактов пусто.

Олег попросил номер профиля. Посмотрел несколько строк.

— Здесь ограничена физическая привязка. Подожди, сейчас покажу, что именно тебе выдали.

В переговорную он пришёл через несколько минут, со своим рабочим планшетом. Яна подвинула ему стул, но Олег остался стоять у края стола. В открытой справке значилось: «Защита личности участника». Для редакции были доступны публикации и канал связи через посредника. Отсутствие маршрута в выданной карточке не означало отсутствия маршрута у человека.

— Для местных кампаний так скрывают родственников и рабочие адреса, — пояснил он. — Были случаи, когда после передачи к людям приходили разбираться. Поэтому тебе могут показывать старое место. Или адрес связи.

— Тогда зачем он пишет, что переехал именно туда?

— Этого справка не объясняет. Можем запросить уточнение у держателя профиля.

Готовую отписку Яна умела распознать, а сейчас аналитик показывал действующее ограничение, которое она сама прежде считала полезным.

Она попросила выгрузить случайный набор откликов из их редакционного квартала: здесь проще было проверить встречу с человеком. Нужны были и поддержавшие решение, и возражавшие. Яна выбрала позиции в списке, не глядя на лица. Олег открыл двенадцать карточек.

У половины не было доступной истории личных контактов. У троих адрес скрывался целиком. Один мужчина ежедневно выкладывал снимки с рабочего участка, но редакция ни разу с ним не разговаривала. Женщина писала раз в несколько недель; на фотографии вместо лица были цветы в банке.

Яна сопоставила время откликов с получением сообщений. В четырёх карточках между ними прошло семь секунд, в трёх других — четырнадцать. Один ответ занимал две строки, другой — почти экран.

— Семь секунд на это? — Она развернула длинный ответ.

— Может быть время выгрузки, — сказал Олег. — Обновление пачками. Надо смотреть первичное поступление.

— А его нам дадут?

— По отдельной заявке. В этом отчёте только приём на нашу сторону.

Олег предложил приложить к запросу совпадение с закрытым текстом. Получал ли его подрядчик, он не знал: для этого требовался журнал редакционного хранилища.

Яна убрала из заметки слова «не существует». Пока они относились к Терну; теперь казалось, что за ними могла оказаться половина списка. Олег посмотрел на освободившуюся строку, но ничего не сказал.

За дверью остановилась тележка уборщицы. Женщина в сером рабочем халате постучала пальцем по стеклу и спросила, надолго ли занята переговорная. Её попросили подготовить комнату к следующей съёмке.

На нагрудной карточке уборщицы Яна прочла: Тамара Век. То же имя стояло в выборке под фотографией цветов.

Она открыла страницу и повернула экран к двери. Тамара прищурилась, потом вошла, оставив тележку в проходе.

— Мои цветы. Вы зачем их смотрите?

Яна объяснила, что проверяет отклики на школьное сообщение. Тамара прочла показанную ей фразу и подтвердила: писала вчера, после звонка дочери. Внуку снова меняли учебную группу. Из-за чего — она толком не поняла, но просила сначала объяснить семье, что происходит.

В карточке Тамары не было ни проверяемого редакционного контакта, ни доступного рабочего адреса. Между тем она стояла перед Яной с тряпкой в руке и ждала, когда освободят стол.

Яна закрыла список и стала убирать со стола бумаги. Тамара протёрла освободившийся край, обошла Олега и попросила его приподнять планшет. Он поднял вместе с ним и собственный стакан. Женщина вытерла мокрый круг под стаканом, а Яна ещё раз посмотрела на пустые поля её карточки.

Нужна была отметка о личном подтверждении. Тогда при следующем разборе Тамару не добавят к подозрительным профилям. Она нажала «Связаться с участником», выбрала слу-

жебный контакт, вписала своё имя и указала, что источник находится на редакционном этаже. Рядом появилась строка о возможной сверке сведений.

Тамаре пришёл вызов. Она достала из кармана старый телефон с потёртым чехлом, посмотрела на экран и подняла глаза на Яну.

— Это вы мне звоните? Так рядом же.

— Нужно подтвердить контакт в карточке. Можете просто принять.

— Зачем? С вами поговорила уже.

Яна собиралась объяснить, что это защитит её запись от неверного вывода, когда рабочий браслет Тамары коротко завибрировал. Женщина прочла уведомление и вышла к служебной двери в конце прохода. Дверь не открылась.

На планшете Олега появилось изменение статуса связанной заявки. Олег повернул экран к Яне. Приглашение внешнего участника запустило сверку его допуска на редакционный этаж. У Тамары здесь уже был подрядный пропуск; до согласования нового основания его приостановили.

— Отзови приглашение, — сказал Олег.

Яна отозвала. Ограничение осталось: запрос на проверку допуска успел уйти в отдельную службу.

Тамара вернулась к столу.

— У меня следующий участок за этой дверью. Кто мне её закрыл?

Яна встала, уступая ей место перед экраном.

— Приглашение отправила я. Сейчас отменю проверку.

— Приглашение куда?

— На разговор. Через редакционную карточку.

Тамара положила телефон на стол.

— Меня на работу пустили в восемь. Теперь надо доказывать, что пришла на работу?

Отдел допусков велел звонить работодателю. Диспетчер подрядчика — обратно в редакцию: отмену должен подписать инициатор. В форме Яна выбрала ошибочное приглашение и назвала виновника. Внизу появилась её фамилия. Хотелось, чтобы Олег отошёл от стола: при нём свести всё к мелкому сбою уже не получалось.

Дежурный несколько минут выяснял, зачем она вызвала внешнего участника на этаж. Яна повторяла, что Тамара здесь работает.

Тамара стояла у окна. На телефон пришло напоминание от диспетчера: следующий участок не принят. Она показала его Яне.

— Потом скажут, что время потеряла. Здесь-то в журнале всё будет.

Яна добавила к пояснению время остановки работ и собственное подтверждение причины. Отправила копию диспетчеру по номеру, который продиктовала Тамара. Олег больше не предлагал вариантов исправления; следил, чтобы отмена попала в ту же проверку, которая остановила пропуск.

Когда дверь снова открылась, было девять пятьдесят восемь. Тамара прошла за неё, вернулась за тележкой и проверила браслет ещё раз. Яна хотела сказать, что сведения о личном присутствии теперь подтверждены, но удержалась. Это была бы удачная строка в её отчёте.

— Больше меня так не вызывайте, — сказала Тамара. — Если нужно поговорить, сначала спросите. Мне за разговоры не платят.

Яна ответила, что поняла, и отошла, освобождая проход. Тамара увезла тележку. С края стола свисала забытая салфетка; Яна свернула её и выбросила в корзину.

Олег унёс планшет, оставив Яне выборку и незакрытый запрос. Она добавила к карточке Тамары сведения о встрече и сохранила пояснение о задержке работ. Фотографию Терна с рассадой свернула: лицо помогало придумывать правдоподобные объяснения в обе стороны. Теперь она смотрела только на время и текст откликов.

В сохранённой версии правка с «переналадкой» стояла в восемь пятьдесят три и четырнадцать секунд. Первый отклик с этим словом их редакция получила через семь секунд. На тот момент ни текст, ни запись с новой фразой не публиковали.

История файла показывала её рабочий кабинет и студийное окно записи. Служебные подключения редакционного хранилища здесь не раскрывались. Правку могли читать внутри редакции. Но почему вслед за ней меняли слова люди, якобы отвечавшие самостоятельно? Терн тоже перестал желать городу передышки и потребовал переналадки.

Именно это нужно было предъявлять подрядчику. Закрытый текст попадал в отклики, которые выдавались за самостоятельную реакцию. Яна набрала запрос на журнал формирования партии: откуда пришли сообщения, какие задания им предшествовали, с какими профилями их связали. На последнем поле потребовалось согласование владельца кампании.

Она сохранила запрос без отправки. Если отдать его Орловой сейчас, проверку могут свести к неверной выдаче тестовых сообщений. Утром Яна сама с удовольствием назвала бы такую ошибку, получила новый отчёт и вернулась к записи. Теперь ей нужно было найти исходный журнал до того, как подрядчик начнёт исправлять свой отчёт.

На служебной связи появилось приглашение от Лики Сом. Тема отсутствовала. Время встречи — десять сорок, кабинет мягких коммуникаций в Медицинском Кольце.

«Принеси старую разметку семейных благодарностей. Ту, где оставались неудачные дубли».

Яна прочла сообщение ещё раз. Лика прежде просила у неё готовые версии, иногда — чистые исходники для повторного монтажа. Неудачные дубли обычно оставались в рабочем архиве до истечения срока хранения.

Под сообщением была маленькая неподвижная картинка. Яна открыла её. Женщина на светлом диване подняла ладонь к камере, прерывая запись. Яна узнала Нику Соль ещё до того, как прочла подпись под кадром.

Из подготовленного для эфира дубля она вырезала этот жест. Оставила паузу, в которой Ника слушала подсказку из-за камеры. Яна приблизила миниатюру, разглядела кончики поднятых пальцев и подтвердила встречу. До десяти сорока оставалось время получить старую разметку; она открыла рабочий архив семейных благодарностей и начала искать исходную папку.

Глава 3. Неудачный дубль

День 1. 10:20–11:10.

Лика остановила ролик о пересмотре медицинской жалобы там, где женщина поднимала ладонь к камере. Часы над окном показывали десять двадцать. До прихода Яны оставалось двадцать минут, а к полудню требовалось согласовать подборку пересмотров. Лика вернула запись на несколько секунд и включила рядом исходное обращение: там пациентка сидела боком к столу и придерживала больную руку.

За месяц ей трижды переносили обследование. В редакционной версии речь шла о дополнительном времени для проверки показаний. Женщина, чьё лицо рекомендовали поставить вместо настоящего, слушала это объяснение с заметным облегчением.

Лика знала, что перед ней синтетический персонаж. В карточке так и было написано. Таких использовали для обезличенных историй, когда человек отказывался от съёмки или его реакцию считали непригодной. Лика сама заказывала замены. Просила убрать раздражение, сохранить усталость, не делать улыбку бодрой. Зритель должен был узнавать собственное положение и верить, что помощь возможна.

Утром в новой пробе ей показался знакомым поворот головы. Она нашла старую миниатюру, отправила Яне и попросила принести разметку. Теперь, при повторном просмотре, узнала и продолжение: женщина прижала губы, чуть отстранилась и подняла руку. Так Ника Соль останавливала запись семейной благодарности. В готовой пробе ладонь опустилась, а на лице появилось согласие слушать дальше.

У женщины на экране были другие глаза и более широкий подбородок. Движение сохранилось вместе с короткой паузой перед ним. Лика когда-то просила удлинить именно эту паузу: у зрителя должно было остаться время принять усталость матери за пережитое волнение.

Она открыла происхождение пробы. Сборка ссылалась на библиотеку семейных записей. Внутри стоял номер партии и отметка о передаче в общий модуль общественных коммуникаций. Последующие применения распределялись автоматически, без возвращения к исходной редакции.

Ниже были перечислены направления использования. Медицинские разъяснения, сопровождение пересмотров, профили участников общественного обсуждения. Последнюю строку Лика перечитала. Об этих передачах её не уведомляли. Она полагала, что семейные записи остаются сырьём для медицинских историй, где знала и задачу, и заказчика. В перечне получателей теперь значились сетевые профили, говорившие о школьных и трудовых решениях.

Лика оставила готовую версию несогласованной. В карточку пересмотра вернула исходное обращение, без лица, предложенного для замены. Попросила приложить даты трёх переносов и отправить вопрос дежурному врачу. Назначать обследование она не могла; могла не выдавать спокойное выражение за результат помощи.

Оставив рядом миниатюру Ники из утреннего сообщения, Лика открыла раздел старых согласований.

По номеру партии открылась опись. Полного журнала последующих применений здесь не было: он находился у службы, производившей профили. Зато сохранилась связь с исходным заданием семейных благодарностей. Лика перешла в положенный ей редакционный раздел и выбрала проверку основания повторного использования.

В обычный день она написала бы в причине «подготовка комиссии». Так короче и почти никогда не вызывает уточнений. Сейчас вписала, что сверяет происхождение рекомендованного персонажа. Запрос ушёл за её именем.

Старое задание называлось «СБ-214». Под ним лежали перечень дублей, разметка пауз и акт приёмки материала. Лика помнила эту папку. В день съёмки её больше беспокоило, успеют

ли подготовить пригодную версию к объявленному включению. Отказ Ники, поднятая рука, вопросы, не предусмотренные обращением, тогда попадали в колонку помех.

Открыв разметку, она нашла отрезок с ладонью. После него стояла ручная отметка об исключении из подготовленного дубля. В акте приёмки значилась Яна Мерц. Номер переданного материала совпадал с номером источника в обучающей партии.

Лика увеличила строку. Подпись Яны удостоверяла приёмку редакционной версии. Из неё самой не следовало, что Яна разрешила использовать речь Ники для политических собеседников. Для этого требовались другие документы. Но уже нельзя было объяснить совпадение тем, что у двух женщин случайно оказался похожий жест.

Она раскрыла соседнюю вкладку и увидела собственное согласование на подготовку семейного включения. Вопрос о том, какой получится мать в кадре, проходил и через неё. Лика не стала закрывать вкладку. Если дело дойдёт до разбора, одних фамилий монтажёров будет недостаточно.

На столе завибрировал служебный телефон. Помощница Маркварда просила до одиннадцати подтвердить готовность материалов для комиссии. Лика ответила коротко, что работает с первичными записями, и вернулась к описи. Ей захотелось поскорее закончить проверку, отправить требуемую подборку и заняться тем, что ещё можно было исправить обычным поручением.

Вместо этого она выбрала заверенную выдержку из задания. Для запроса требовалось указать страницы и состав приложений. Лика оставила разметку нужного отрезка, номер партии, акт приёмки и сведения о текущем использовании пробы. Медицинские приложения в выдержку не входили. Пустое место в перечне означало, что их исключили при выгрузке, а не потеряли.

Лика сохранила выдержку на рабочий носитель и в своё хранилище. Источник, время и её имя стояли на первой странице; ссылка позволяла сверить документ в редакционном архиве. Уведомление о выгрузке уже появилось в журнале. Назвать её случайным открытием папки не получится.

Она представила знакомый стол ведомственного разбора, список согласований и вопрос, кто именно придал жалобе подходящее выражение. После дела Кира такие вопросы задавали людям, которые сидели дальше всех от принятия медицинских решений. Лика тогда осталась на месте. Не хотелось проверять, насколько прочно её место теперь.

Прежде чем убрать носитель, она открыла выдержку ещё раз. В описи значилось и её согласование, подпись Яны читалась полностью. Лика проверила, не попали ли в копию сведения о лечении Кира. Затем закрыла файл и сняла с носителя бумажную бирку с названием комиссии. Эту выдержку Яна получит лично от неё.

В десять сорок Яна постучала и вошла с планшетом в руке. Лика свернула карточку новой пациентки. Не хотела обсуждать её обращение при человеке, который к пересмотру отношения не имел. Яна положила планшет на стол и открыла старую разметку: папку успела найти, исходные дубли ещё загружались. Лика налила ей воды и поставила стакан рядом.

— Здесь твой кадр, — сказала она. — И вся вырезанная часть. Что ты увидела?

Лика повернула к ней экран с готовой пробой. Женщина подняла руку, опустила её и приняла объяснение, которого Ника не слышала. Яна досмотрела до конца, вернула движение назад. Лика узнала её привычный способ работы: сначала найти точный стык, потом смотреть на остальное.

— Можно поставить рядом исходник, — сказала Яна. — Показать, что из него сделали. С узнаваемым лицом это будет понятно без пояснений.

— Нику рядом поставишь?

— Для сравнения. Сначала её рука, потом эта. Одно движение, два смысла.

Лика подвинула ей носитель, придерживая край чехла пальцами.

— Ты у неё спрашивала?

— Ещё нет. Сначала нужно установить, что произошло. Она сама остановила запись. Это тоже её ответ.

— Тогда почему в твоём варианте его не осталось?

Яна перестала листать разметку. Лике захотелось смягчить вопрос, перевести разговор на новое использование файлов. Она позволяла убирать отказы так же спокойно. Разница между ними сейчас состояла в том, кто успел открыть новую карточку первым.

— Подмены шли и через меня, — сказала Лика. — В описи увидишь согласование. Но из этого не получится разрешение снова показать Нику без вопроса.

— Её запись уже видели.

— А сейчас увидят вместе с чужими словами. Медицинские сведения в копию не вошли. Не добавляй их из своей папки, чтобы объяснить зрителю, почему она так устала.

Яна откинулась на спинку стула. Лика наконец отпустила чехол. На экране тем временем открылся очередной дубль; Яна остановила его до начала звука.

— Хорошо. Без её разрешения лицо не показываем. Но источник придётся подтвердить.

— Для этого подготовила выдержку. Здесь номер исходного задания, приёмка и переход в обучающую партию. По номеру можно запросить журнал. В твоей студии должна оставаться ранняя разметка, с которой материал передавали дальше.

Лика показала нужную строку и название редакционного раздела. Пояснила, чего в копии не было: полного перечня собранных профилей, правил их выдачи аудитории, документов о расширении использования. На одной похожей интонации обвинение не построить. Пока у них была прослеживаемая связь одной пробы с исходным материалом.

Яна раскрыла свою утреннюю папку и рассказала о слове, которое заменила в закрытом обращении. Через семь секунд редакция получила первые отклики с новой формулировкой. Она показала время правки и сохранённую ленту, потом убрала окна. Лика не просила пересылать их себе.

— Нужно понять, кто читает черновики, — сказала она. — И кто делает ответы. Это могут оказаться разные службы.

— Придётся идти в студию. Даний умеет вытаскивать историю старых сборок.

Яна взяла носитель и убрала в боковой карман сумки. Лика посмотрела на опустевшее место перед планшетом. До этого момента можно было считать, что она готовит внутреннюю справку для комиссии. Теперь копия уйдёт из Медицинского Кольца с человеком, который не обязан советоваться с ней перед каждым действием.

— Ещё одно, — сказала Лика. — Я не обещаю доставать тебе всё, что понадобится. Эту копию даю для проверки. Если решишь делать передачу, участие придётся обсуждать отдельно.

Яна застегнула сумку.

— Запрос на тебя остался?

— В журнале. И в самой копии стоит моё имя.

— Тогда начну с того, что можно сверить без нового запроса от тебя.

Лика проводила её до двери. О подробностях будущей передачи они не договорились. Она вернулась к столу и заметила, что Яна оставила на краю стакан с водой, к которому так и не притронулась. Убрала его подальше от планшета, включила служебную связь и подтвердила помощнице, что готова к разговору с Марквардом.

Он вызвал её за несколько минут до одиннадцати. На экране за его плечом виднелись папки комиссии; Марквард перелистывал одну из них, пока Лика подключалась.

— У нас опять собирают перенесённые обследования в одну историю отказов. К комиссии нужны причины по каждому случаю. Где окно действительно сняли, где пациенту предложили замену, где ему об этом сообщили только в отчёте.

Лика открыла список новых пересмотров. Вопрос пациентки с больной рукой ещё ожидал ответа врача. Она назвала число переносов и сказала, что спокойная версия обращения не подтверждает получения помощи.

— Значит, уберите её из подтверждений, — ответил Марквард. — В комиссию пойдёт исходное обращение. Если срок изменили, пусть укажут, кто и на каком основании.

Лика внесла поручение в карточку. Это могло помочь конкретной женщине. Марквард умел требовать вещи, с которыми трудно было спорить, и оставлять за рамками разговора, почему просьба вообще дошла до его стола.

Он вернулся к первой папке.

— Ты запрашивала старую разметку семейных благодарностей?

Лика посмотрела на открытую страницу журнала. Уведомление о её выгрузке попадало в сводку материалов, поднятых для пересмотра прежних кампаний.

— Да. Проверяю повторное использование записи.

— Сохранила копию?

— Заверенную выдержку. С номером источника и приёмкой.

Марквард отложил папку.

— Тогда приложи к подготовке комиссии перечень поднятых материалов. Нам нужны основания, по которым они уходили в сеть. Ответы о том, что всё было обезличено, больше не годятся.

Лика могла сказать о рекомендованной пробе и о передаче в политические профили. Но тогда пришлось бы объяснить, почему она начала с получения отдельной копии, а не с доклада. В разговоре уже появилось место для знакомой формулы: специалист превысил задачу, материалы использовали без надлежащего сопровождения. Она слышала её после прежних разбирательств.

— Перечень подготовлю, — сказала Лика.

О Яне Марквард не спросил. Лика не стала сообщать о встрече сама. Добавила к рабочему списку номер задания и основание выгрузки, сохранив именно ту формулировку, с которой обращалась к архиву. Если потом спросят, для чего понадобилась выдержка, останется её собственный ответ, записанный до разговора.

Марквард назначил время сдачи материалов и отключился. Лика несколько секунд смотрела на окно связи. Хотелось думать, что она просто страхует профессиональную работу: проверяет источник, сохраняет согласования, не даёт свалить всё на человека у монтажного стола. Так было легче вернуться к новым жалобам.

В расписании появилось дежурство аварийного монтажа в ночь обновления «Лика», через три дня. С 23:00 до 23:11 региональный мост работал по прежней таблице. Если исходный поток признают непригодным, Лике предстояло лично включить подготовленный резерв. Только на своей линии; у соседних были другие операторы.

В бланке замены стояло её имя. Пустовали причина и подпись. Лика сохранила инструкцию рядом со старой разметкой и вернулась к пересмотрам: дежурный врач прислал пояснение к карточке пациентки.

Глава 4. Чужая благодарность

День 1. 11:30–12:30.

В студии семейных благодарностей Даний переставлял лампу, чтобы убрать блик с подлокотника. Яна остановилась у двери и посмотрела на светлый диван. На нём записывали матерей, мужей, взрослых детей — всех, кому предлагали рассказать, как Республика помогла их семье. Теперь под правой ножкой лежал кусок сложенного картона. На часах над пультом было одиннадцать тридцать.

Даний предложил сесть слева: пружину справа ещё не заменили. Яна поставила сумку у пульта. За диваном стояли коробки с бумажными архивами прежних кампаний; на одной сохранилась её фамилия. Она забыла, что эти бумаги вообще уцелели после переезда редакции.

— Хочу посмотреть, как теперь собирают семейные истории, — сказала она. — Формат опять расширяют, а в заданиях всё ещё наши старые слова.

Даний отложил лампу и открыл рабочее место. На край стола положил распечатку утреннего обращения, которое так и не записали. Яна объяснила задержку проверкой старых согласований. Это было правдой. О разговоре с Ликой она не сказала.

— Здесь уже меньше приходится мучить людей дублями. Смотри, твой утренний материал подходит.

На левом экране появилась Вера Лан. Она тёрла костяшку пальца, смотрела мимо камеры и просила вернуть отменённую смену. Яна узнала даже стук ножки стула о пол, который убрала перед утверждением ролика.

Даний включил новую сборку. Вера подняла глаза, улыбнулась и поблагодарила за возвращение в расписание. Рука спокойно лежала на столе. Слова прозвучали её голосом, с коротким вдохом перед последней фразой.

Яна наклонилась к экрану.

— Она этого не говорила.

— Фраза из разрешённого набора. Подставляется после подтверждения решения. Пока проба.

Внизу действительно стояла отметка закрытого просмотра. Даний показал строку замены: рот и нижнюю часть лица пересобрали под новую речь, движение плеч взяли из другого дубля. Изменение было заметно на покадровом просмотре. В обычном темпе Вера выглядела отдохнувшей. На последнем слове губы чуть отставали от звука. Яна машинально указала место: конец фразы нужно сдвинуть. Даний подвинул границу на несколько кадров и снова включил запись. Теперь она не заметила стыка даже в повторе. Убрала руку от пульта, на котором только что показывала ему ошибку, и посмотрела на исходную Веру.

— Решение уже есть? — спросила Яна.

— Поэтому и говорю: после подтверждения.

Она открыла карточку своего уточнения. Трудовой отдел ещё не ответил. Жалоба Веры оставалась закрытой на основании первого ролика.

Даний прочёл статус и убрал новую сборку из подготовленной подборки.

— Тогда пока не используем. Это проверяется отдельно.

Он сделал это без спора. Яна хотела почувствовать облегчение, но на левом экране Вера всё ещё ждала ответа, а на правом остановилась с готовой улыбкой. Для создания благодарности хватило нескольких минут; её запрос в трудовой отдел всё ещё ожидал приёма.

Раньше Яна сама объяснила бы, что съёмку готовят заранее. Ей нравилось получать хороший результат, когда исходник мешал: дрожал голос, человек отворачивался, нужные слова

тонули в подробностях. Удовольствие от удачной правки было ей знакомо. Сейчас раздражало, что Даний так легко показал продолжение той же работы.

Она достала из сумки носитель Лики, но подключила к пульту собственный планшет со старой разметкой.

— Найди задание СБ-214. Нужно понять, куда ушёл материал после приёмки.

По номеру Даний открыл семейное включение и производные образцы. Полный журнал хранился в другом отделе, но ссылки на использованные отрезки были здесь.

Яна перешла к неудачным дублям. Ника Соль сидела на том же диване, только под правой ножкой тогда ничего не лежало. Слушала подсказку и пробовала повторить предложенную фразу.

— Спасибо за ожидание… за внимание.

Ника поправилась и подняла ладонь к камере. Яна остановила запись раньше, чем начался следующий вопрос. Помнила эту оговорку. Тогда её сочли признаком усталости и убрали из подготовленного обращения вместе с движением руки.

Один из производных образцов начинался похожей фразой. Мужчина с короткой бородой благодарил за школьные разъяснения. Перед словом «внимание» у него оставалось то же ошибочное «ожидание». Голос был ниже, пауза короче. Яна прослушала начало ещё раз и открыла следующий образец. Женщина у окна повторила ту же поправку, прежде чем заговорить о пересмотре рабочих назначений.

Она убавила скорость. Совпали не только слова: в обоих случаях перед поправкой был короткий выдох с негромким щелчком. Яна раскрыла звуковую дорожку старого задания и увидела собственную пометку: «Вдох из дубля 2, перед спасибо». Когда-то она переставила этот кусочек звука, чтобы склейка не казалась обрезанной. В производных сборках сохранились ссылка на вставку и её ручная метка.

— Здесь копировали не только лицо, — сказала она.

Даний придвинул вторую дорожку к первой.

— Речь и движения берутся отдельно. Паузы тоже. Для этого исходники и оставляют.

На правом экране мужчина смотрел на собеседника с выражением усталого терпения. На левом Ника слушала, как ей объясняют порядок благодарности. Яна сняла с повтора звук. Ей захотелось закрыть исходник Ники и продолжить сверку по одной разметке, но без записи уже нельзя было проверить, что именно перешло в новые лица.

На планшете Яна открыла заверенную выдержку Лики и сравнила номера отрезков. Исходное задание совпадало, как и путь к обучающей партии. Это связывало с записью Ники два конкретных образца. В составе переданной партии значились и утверждённая сборка, и черновые дубли, включая исключённые отрывки. Яна ввела в поиск имя Вадима Терна, но каталог требовал номер производственного задания. Под собранными лицами стояли рабочие обозначения; найти соответствие с его страницей здесь не удалось.

В приложении к заданию лежала форма, подписанная перед семейным включением. Разрешалось записать и показать одну передачу. Отдельного разрешения строить из лица, речи и движений участников новые сетевые биографии в форме не было.

Яна прочла её до конца. Даний молча ждал рядом. Когда-то она смотрела в таких формах прежде всего на срок и подтверждение съёмки. Теперь искала строку, которая позволила бы объяснить происходящее чужой ошибкой.

Яна сохранила ссылки на два образца и исходное разрешение. Семейную запись оставила в архиве.

— Если здесь только одна передача, откуда право на остальные? — спросила Яна.

Даний открыл общий порядок работы с обезличенными материалами. Сказал, что после прежних разбирательств его уточняли: убирали прямые имена, меняли внешность, разде-

ляли голос и изображение. Людей должны были перестать узнавать по историям, которые они вынужденно рассказывали всей стране.

— Это защита участников, Яна. На записи может быть одно лицо, в готовом материале другое. Ни имени, ни семейного адреса.

— И слова, которых человек не выбирал.

— Ты видишь собранного собеседника. Он не выходит в сеть под именем Ники Соль.

Яна включила начало мужской записи. Оговорка снова прозвучала перед фразой о школьной проверке.

— А это кому принадлежит?

— Исходному материалу. Его передали для такой работы.

Она посмотрела на Дания. Он не отворачивался и не просил закрыть файлы. Сидел рядом, как на обычном пересмотре монтажа, и показывал документы, на которые ссылался.

— Кто передал?

— Твоя редакция. Расширение ты согласовывала. Оно должно быть в приложениях к порядку.

Закрытое служебное приложение открывалось только подписанту. Яна приложила браслет к считывателю.

Под заголовком стояла её фамилия. Она увеличила страницу, проверила дату, номер редакционного поручения. Документ разрешал передавать фрагменты семейных записей для создания синтетических участников информационных кампаний. Имя и узнаваемый облик требовалось исключить; реакции, особенности речи и движения разрешалось сохранять. Повторного обращения к семье порядок не предусматривал.

Рядом была её собственная ремарка: «Сохранить естественность реакций. Повторные выезды к семьям исключить».

Яна вспомнила согласование. Ей показывали, как после обезличивания пропадает живая интонация и собеседники начинают звучать одинаково. Предлагали сохранить речь, оставив людей в покое. Она добилась нужной формулировки и считала это удачным решением: меньше съёмок, меньше расходов, семьи не приходится снова усаживать перед камерой.

В документе прямо говорилось о синтетических участниках кампаний. Никакой отдельной оговорки, что их используют лишь для внутренних проб, там не стояло. В тот день Яна прочла эти слова и подписала страницу.

Ей стало жарко. Она расстегнула верхнюю пуговицу, заметила, что пальцы дрожат, и опустила руки на колени. Потом заставила себя дочитать порядок до конца.

— Он не отменял подпись самой Ники, — сказала она.

— Он устанавливал, как можно работать с обезличенным материалом. Дальше согласовывали выпуск конкретных сборок.

— Эти согласования у нас есть?

— Здесь только наши. За остальными — к тем, кто собирал и выпускал профили.

Даний предложил оформить расхождение между исходной формой и порядком, приложить две сборки, запросить пересмотр использования. Спокойно перечислил, кому отправить. Яна знала этот путь. Ответ можно было получить быстро, если в нём не требовалось называть, почему правило вообще появилось.

— До нового выпуска это нужно остановить, — сказала она.

— Тогда пиши конкретно, что проверила. Два образца, одно задание. Не бери на себя весь чужой выпуск.

Он указал на список выгрузки. Там были разрешение Ники и два образца. Приложение с подписью Яны оставалось невыбранным. Она добавила его, помедлила над своим прежним комментарием и сохранила всё вместе с выдержкой Лики.

— Это тоже относится к проверке, — сказала она, не дожидаясь вопроса.

Даний посмотрел на выбранную страницу.

— Относится. Поэтому и надо разбирать с теми, кто может изменить порядок.

Он отключил закрытый просмотр и вернул на экран рабочую очередь студии. Яна вытащила носитель, убрала в сумку. Ей хотелось уйти до того, как придётся произнести ещё что-нибудь уверенное. Даний спросил, будет ли она записывать обращение после обеда. Она ответила, что сообщит позже, и пересела к маленькому столу у архивных коробок.

В студии стало тихо: Дания вызвали на соседнюю запись. Яна достала телефон и открыла старый разговор с Дарой. Последнее сообщение от сестры было коротким, о времени выдачи вещей в мастерской. Оно оставалось без ответа. Яна долго смотрела на него, прежде чем набрать новое.

«Дара, сегодня проверила старые согласования. Свою подпись тоже нашла. Тогда про тебя говорила неправду. Хочу объяснить лично».

Она перечитала. Слова о подписи Дара могла не понять; придётся объяснить при встрече. Проще было написать, что нужно поговорить, но тогда получилось бы очередное требование отложить свои дела ради её срочности. Яна оставила текст и отправила.

Вместо отметки о доставке появилась категория: «Эмоционально рискованный контакт». Сообщение поставили в ожидание. В пояснении предлагали выбрать сопровождаемое общение либо дождаться согласования канала.

Яна открыла подробности и узнала старую формулировку из семейной карточки. Пометка осталась в профиле Дары с тех пор, как младшая сестра публично назвала её эмоционально нестабильной. Яна тогда объясняла, что поможет семье избежать общего ограничения. После передачи служебные двери для неё продолжили открываться. О том, какие двери перестали открываться для Дары, она спрашивала редко.

Большой палец остановился над повторной отправкой. Яна закрыла сообщение. Второй текст, написанный проще и мягче, всё равно пришёл бы от того же человека с тем же правом требовать внимания.

В коробке с её фамилией лежали старые ежедневники, бумажные планы съёмок и конверт с личными записками. Даний перенёс сюда всё, что осталось в прежнем кабинете. Яна нашла ежедневник, в который Дара однажды вложила адрес мастерской. Между страницами сохранился листок в клетку: шестая пересадка, внутренний ремонтный двор, вход со стороны выдачи. Ниже был номер общей линии.

Дара присылала адрес ещё до последнего разговора. Просила привезти пустые ёмкости; в мастерской их тогда не хватало. Яна собиралась поручить это помощнику, потом забыла. В ежедневнике рядом стояло только время чужой съёмки.

Она набрала общую линию. Ответила женщина, за её спиной гремела посуда. Яна назвала себя и попросила передать Даре, что хочет прийти без записи, поговорить лично. Не просила соединить немедленно, оставила номер для ответа. Женщина повторила имя, уточнила, может ли сестра позвонить позже, и отключилась.

Пока ждала, Яна вынула из сумки носитель и посмотрела на него. Внутри лежала страница, которую можно было не выбирать при выгрузке. Она вернула его в боковой карман и застегнула молнию. Бумажный адрес положила отдельно, к телефону.

Обратный звонок пришёл перед половиной первого. Говорила та же женщина. Дара велела передать: после часа можно прийти к выдаче. Камеру оставить. Заранее написанную речь тоже.

Яна попросила сказать, что придёт. Из футляра на ремне сумки достала малую рабочую камеру и убрала в студийную ячейку рядом с ежедневником. Потом проверила, на месте ли носитель, взяла листок с адресом и вышла, оставив на столе незаконченный текст обращения.

Глава 5. Сестра вне кадра

День 1. 13:10–14:30.

У входа в мастерскую Яна подхватила пустую ёмкость, которая сползала с тележки, и отступила к стене, пропуская мужчину с двумя такими же. Пластиковые ручки разъехались в ладонях. Она перехватила их, сумка ударила по бедру. За раскрытой дверью женщина в фартуке махнула ей к стеллажу: ставить нужно было туда, где с утра освободили нижнюю полку.

Яна занесла ёмкость. На стене висели часы, они показывали десять минут второго. Адрес на бумажке привёл её к нужной двери: шестая пересадка, ремонтный двор, выдача. Вдоль верстака ждали люди с мешками и небольшими тележками. У одного из столов Дара проверяла крышку бака. Подняла глаза на сестру и попросила пока не загромождать проход.

Яна ожидала, что её сразу отведут поговорить. Вместо этого взяла следующую ёмкость и понесла на полку. Дара коротко стригла волосы; у виска они стали светлее. Рукав у неё был подвёрнут, на запястье осталась полоса муки или белой ремонтной пыли. Яна не успела разглядеть: мужчина с тележкой попросил принять ещё один бак.

Вдвоём они освободили вход. Работа была понятной, и на несколько минут исчезла необходимость придумывать первые слова. Яна собиралась предложить помощь с остальным, когда у стола выдачи загудел браслет посетительницы.

Женщина посмотрела на запястье и спросила, зачем её включили в служебное сопровождение. Работница в фартуке развернула терминал. На нём рядом с обычной выдачей появилась отметка о присутствии сотрудника «Лика».

У следующего мужчины тоже пришло уведомление. Он убрал руку от считывателя.

— Мне просто крышку получить. Если здесь передача, потом зайду.

— Съёмки нет, — сказала Яна.

Он посмотрел на неё, затем на телефон в её руке. Она убрала его в сумку, но мужчина остался у двери. Посетительница перед ним спросила, можно ли забрать вещи без подтверждения нового условия.

Терминал обнаружил служебный браслет Яны и потребовал подтвердить выдачу в присутствии сотрудника сети. За людьми с мешками остановилась новая очередь. Дара отложила крышку.

— Иди сюда, — сказала Дара.

Она провела Яну за стеллажи, велев продолжать обычную выдачу. Женщина у терминала записала несогласованное присутствие и подвинула считыватель к себе. Мужчина с крышкой остался, хотя держался подальше от стола.

За дверью стояли таз с чашками и узкий шкаф для посуды. Яна сняла сумку, повесила на крючок рядом с раковиной. На верхней полке лежал надломленный батон; у нижней ножки шкафа сохли промытые крышки.

— Про браслет не подумала, — сказала она.

— Заметно.

Дара оставила дверь приоткрытой, чтобы видеть стол выдачи. Яна потянула рукав на запястье. Это ничего не меняло в рабочем профиле; уведомления пришли бы и под тканью. С улицы она вошла сюда так же, как входила в редакционные комнаты, где её имя обычно помогало пройти быстрее.

В проходе снова загремела тележка. Дара придержала дверь, пропуская работницу за коробкой, и дождалась, пока та уйдёт. Яна смотрела на сестру и не знала, можно ли коснуться её плеча. Рука так и осталась на краю раковины.

— Камеру оставила? — спросила Дара.

— В студии.

— Тогда говори. До следующей выдачи есть время.

Яна рассказала о двух собранных лицах, в которых узнала чужие движения и речь. О форме на одну передачу и порядке, позволявшем использовать записи дальше. Сказала, что на странице расширения стояла её подпись. Не называла Нику и не доставала носитель: в сумке лежали документы, а перед ней была сестра, к которой она несколько лет собиралась прийти.

Дара слушала, опираясь бедром о шкаф. Из зала позвали спросить, куда убрать лишние ёмкости. Она ответила через дверь и вернулась к разговору.

— Поэтому вспомнила мой адрес?

— Сегодня увидела, что именно подписывала. Хотела поговорить с тобой.

— О сегодняшнем или о том, что сказала тогда?

Яна посмотрела на таз. На стенке одной чашки прилипла чайная заварка. Понадобилось усилие, чтобы снова поднять глаза.

— Тогда говорила неправду.

Дара сняла с крана тряпку, отжала и положила на край раковины.

— На следующий день после передачи служебная дверь не открылась. Помнишь пункт приёмки, где забирала меня после смены? Сначала позвонила мастеру. Он сказал подождать снаружи, пока уточняют профиль. К обеду прислали отмену контракта.

Яна помнила тот пункт и широкое окно над лестницей. Иногда Дара выходила с остатками еды в двух одинаковых коробках: одну отдавала ей, если младшая сестра опять провела весь день на записи.

— Можно было обжаловать, — начала Яна и замолчала.

— Подала. По твоей передаче предложили сопровождение для человека, который не способен спокойно оценить своё положение. Самостоятельное обращение поставили в ожидание. Телефон у тебя тогда работал.

Дара говорила без спешки. Яна искала в памяти тот вечер: после эфира были звонки, согласование следующего обращения, ужин с Данием. Сестре она собиралась перезвонить, когда кончится шум.

— Потом во дворе перестали здороваться, — продолжила Дара. — Женщина с нашего этажа раньше ключи оставляла, чтобы цветы полить. В тот день встретила у лифта, придержала сумку и прошла пешком. На пятом этаже лестница, сама помнишь какая.

Яна знала соседку и знала лестницу. Удобнее было бы услышать о незнакомых людях, которых напугал чужой ролик. Дара называла места, где Яна сама ходила, двери, у которых стояла вместе с ней.

— Обеих могли убрать, — сказала она. — После отказа по семье пошла бы другая проверка. Тогда казалось, если останется рабочий доступ, можно будет что-то поправить.

— Что поправила?

Яна провела пальцем по краю раковины. Рабочий доступ после той передачи она сохранила. Пересмотра сестринской карточки так и не добилась.

— Уговор был сначала снять остроту, потом вернуться к твоей карточке. Там несколько согласований, сразу это не…

— Помой чашки, пожалуйста, — перебила Дара. — К вечеру люди после смены придут. Эти ещё с утра стоят.

Она подвинула таз, освободила место на столе для чистой посуды. Яна сняла часы, положила в сумку. Начала с чашки, к которой присохла заварка. Вода была едва тёплой, и Дара долила из чайника, прежде чем снова выйти в зал.

За дверью спорили о возвращённой крышке. Мужчина уверял, что принёс другую, без трещины. Дара попросила посмотреть отметку на донышке и принесла ему ёмкость, в которой он сдавал старую крышку. Разговор стал тише.

Яна тёрла губкой стенки чашки и ждала, когда Дара вернётся. Стыдилась того, как хочется договорить и услышать ответ.

Когда Дара вошла, Яна уже выставила первый ряд сушиться. Сестра положила на свободный край стола два ломтя хлеба и кусок сыра. Отломила себе хлеб, остальное подвинула к ней.

— Мокрыми руками всё размочишь. Сначала вытри.

Яна вытерла руки о полотенце и съела свой кусок. Сыр был солоноватый, хлеб крошился. За весь день она впервые ела без экрана перед глазами и думала, как давно не сидела с Дарой рядом за обычным столом. Потом вернулась к чашкам. На сестру всё ещё было трудно смотреть.

Дара села на табурет и раскрыла тетрадь выдачи. Яна сполоснула следующую чашку. Думала о людях, которым помешала забрать вещи своим присутствием. Снять её фамилию с сегодняшнего журнала Дара не предложила.

— Нужны люди, у которых можно проверить, что произошло, — сказала Яна. — Сейчас жалобы расходятся по разным папкам. В каждой история получается отдельной. А рядом идут ответы, собранные из чужих записей.

— Что именно хочешь проверить?

Она объяснила про отклики, в которых появилось ещё не опубликованное слово. Про человека с адресом закрытого корпуса. Оговорилась, что отсутствие доступных записей ничего не доказывает: утром встретила живую женщину с такой же пустой карточкой и успела создать ей неприятности своей проверкой.

Дара перестала писать.

— У той женщины теперь всё нормально?

— Пропуск открыли. Работодателю отправила пояснение, что задержка из-за меня. Получила ли оплату за это время, пока не знаю.

— Тогда спроси. Ей это нужнее твоей уверенности, что проверка закончилась.

Яна кивнула. Запомнила спросить у диспетчера о времени Тамары. Раньше такой пункт поручила бы помощнику и ждала бы только отметку о выполнении.

В тетради Дары были адреса, числа, короткие приписки у фамилий. Одну строку она закрыла ладонью, когда Яна подошла за новой порцией воды. Яна отвела глаза к чайнику.

— Ты могла бы потом рассказать, что было после передачи, — сказала она. — Без имени, если так лучше. Показать, как одно сообщение меняет всё остальное. Телефон и запись сегодня не нужны, договоримся отдельно.

— Записываться для твоего исправления не буду.

Дара ответила прежде, чем Яна успела объяснить, как можно было бы скрыть голос. Сестра не спрашивала, зачем и где выйдет материал. По тому, как спокойно произнесла отказ, Яна поняла: этого предложения здесь ждали. Камеру она оставила в студии, а план будущего рассказа всё равно принесла с собой.

— Это не должно быть рассказом обо мне.

— Тогда начни с другого человека. С того, кто сам захочет говорить. Про работу мастерской тоже без нас не решай. Здесь помогают люди, которым хватает своих дел без участия в твоих передачах.

Яна хотела ответить, что про мастерскую никто не говорил. Но уже представляла начало: ремонтный двор, очередь с ёмкостями, руки Дары над тетрадью. Кадры складывались раньше, чем она успела спросить разрешение.

Она опустила губку в воду. Можно было предложить сестре иной вариант, короче, без лица и без прошлого. Яна стала промывать следующую чашку. Дара вернулась к своей записи.

Некоторое время они молчали. Через дверь передали пустой поднос, Яна вымыла и его. Дара подвинула ближе полотенце, чтобы вода не капала на тетрадь. Чашки больше не помещались на свободном краю, и пришлось расставить их на нижней полке шкафа.

— Есть люди, которые умеют проверять такие материалы, — сказала Дара. — Не твой подрядчик. Могу передать, что просишь о встрече.

Яна выпрямилась у раковины.

— Передай. Копии есть. Свою подпись сохранила тоже.

Дара посмотрела на сумку, потом снова на неё.

— С каждым будешь договариваться сама. Если пришёл поговорить, это ещё не значит, что разрешил снимать. Откажется — уйдёшь без записи. Моё имя вместо согласия не называй.

— Хорошо.

Дара закрыла тетрадь и вышла к общей линии. Яна вымыла таз, сполоснула руки. Чистые чашки стояли ручками в разные стороны; она начала разворачивать их, но из зала позвали сестру по имени. В дверном проёме появилась женщина с планшетом и знаком районной службы учёта на куртке.

Проверяющая пришла по уведомлению о служебном посещении. Дара положила перед ней закрытую тетрадь и спросила, какой участок журнала требуется.

Яна сняла сумку с крючка. Свою служебную пластину нашла в боковом отделении, рядом с носителем. Знала, как объяснить такое посещение: предварительная подготовка социальной истории. Достаточно было открыть задание, записать присутствующих помощниками группы и подтвердить своей подписью. Редакционный выезд позволял пользоваться помещением без отдельной отметки о личном визите.

Она негромко сказала Даре:

— Могу оформить подготовку съёмки. Тогда это пройдёт по редакции. Здесь помогали с…

— Нас в группу не вписывай.

Дара сказала это ей, не проверяющей. Яна посмотрела через её плечо на работницу в фартуке и женщину в очереди. У них появились бы имена в другом списке, с понятной ролью, которую она придумала за несколько секунд.

— Служебного задания нет, — сказала Яна проверяющей. — Пришла к сестре. В журнале отмечено моё присутствие.

Та попросила выйти во двор, чтобы говорить без посетителей. Яна пошла одна. Дара осталась у стола выдачи и не стала объяснять, зачем младшей сестре понадобилась встреча.

Во дворе проверяющая сверила пластину с браслетом. В текущем маршруте значились редакционные задачи; посещения мастерской среди них не было. Яна подтвердила, что пришла по личному делу с действующим служебным профилем. Исправить цель задним числом не просила.

— Замечание по использованию служебного допуска, — сказала проверяющая. — Запись уйдёт в вашу редакцию. Пояснение можете приложить сейчас.

На экране были поля для основания визита и сопровождавших её лиц. Яна вписала личное посещение и оставила второе поле пустым. Подтвердила, что уведомление о служебном присутствии возникло из-за её профиля. Передала номер записи, которую работница сделала у терминала.

Яна прочла пояснение и подписала его. Доступ сохранялся, замечание передавали работодателю. Когда проверяющая вернулась к выдаче, она осталась во дворе у пустых ёмкостей и предупредила редакцию о задержке. Имена работавших за дверью в сообщение не внесла.

Дара вышла через несколько минут, вынесла пустую коробку и поставила на тележку. Дала Яне сложенный вдвое листок. В шестнадцать десять её готовы были принять в закрытой читальной комнате в Нижних. Спросить Архивиста. Материалы принести как есть, вместе с основаниями их получения.

— Свидетели? — спросила Яна.

— Да. Посмотрят, что у тебя. За тебя говорить не обещали.

— Ты придёшь?

— Здесь ещё выдача до вечера.

Из мастерской позвали Дару: проверяющая уточняла время возврата одной из ёмкостей. Сестра вернулась внутрь. Яна развернула листок, прочла адрес и вложила его к прежней записке с маршрутом от пересадки. По дороге до следующего прохода достала телефон и открыла контакт диспетчера, которому утром отправляла пояснение о задержке Тамары.

Глава 6. Цена спокойствия

День 1. 14:40–15:20.

Орлова остановила помощника у дверей ситуационной комнаты и попросила вернуть изображение Третьей пересадки. На Верхних Террасах было светло; солнечная полоса мешала разглядеть нижний край экрана. Она шагнула в тень. Внизу, у ограждения платформы, люди стояли вплотную друг к другу. Женщина пыталась поднять с пола сумку, но не могла наклониться. За её спиной продолжали спускаться пассажиры.

На часах было четырнадцать сорок. Дежурный редактор объяснил: по районным лентам разошлось сообщение, что с пятнадцати часов закроют кольцевой маршрут. В подписи к карточке просили забрать детей со школьных площадок до остановки движения. Источник ещё не установили. Изображение было оформлено под транспортное уведомление.

Орлова попросила связать её с диспетчером пересадки. Тот ответил на фоне громкой связи: маршрут работал, ближайший состав уже подходил. На вечер планировали ремонт одного перехода, из сообщения исчезли и время, и номер закрываемого прохода.

— Подтверждение от смены есть? — спросила она.

Диспетчер включил начальника станции. Тот показал действующее расписание и сообщил, что люди пытаются попасть в один вагон, потому что считают состав последним. Вход на спуск пришлось временно ограничить.

Готовое опровержение лежало у редактора с пометкой о проверке источника слуха. Орлова прочла три первых строки и убрала рассуждение о распространителях.

— Сейчас ставьте расписание и открытый проход. Имя дежурного, который подтверждает. Сообщение в ленты пересадки, на табло и в звук. Кто сделал подложную карточку, выясняйте отдельно.

На станции повторили текст. Люди у ограждения почти не двинулись. Мужчина на переднем плане показывал телефон сотруднику платформы; тот отвечал, но слов с камеры было не разобрать.

Диспетчер попросил разрешить непрерывный показ прибытия состава на местных экранах. Орлова дала редакционное подтверждение и оставила в кадре часы станции. Отдельно потребовала убрать обещание, что затруднений нет: затруднение уже было видно, и пассажиры стояли внутри него.

Состав вошёл на платформу. Сотрудник отодвинул переносную стойку, открыл второй проход к дверям. Теперь люди видели и поезд, и посадку через соседний вход. Напор у ограждения стал меньше. Женщина подняла сумку, уступила место пожилому мужчине с тростью. По дальнему краю платформы пошли к следующему вагону.

Орлова дождалась второго сообщения начальника станции. Пострадавших не было, движение восстанавливалось. Она попросила оставить на табло время следующих двух составов и не заменять его общим призывом сохранять спокойствие.

— Спасибо, теперь понятно, что людям показывать, — сказал диспетчер.

После отключения связи она ещё несколько секунд смотрела на платформу. Хотелось снова услышать, как диспетчер поблагодарил без подготовленного текста. Плечи перестали болеть от напряжения. Хороший ответ пришёл вовремя: у людей появилось место пройти, у дежурных — возможность объяснить происходящее без толкотни. Орлова попросила сохранить отрезок с прибытием поезда для доклада и прошла к центральному столу.

Юна Вель уже вывела на соседний экран подготовленную реакцию районных лент. В одной колонке шли поступившие вопросы, в другой — очередь публикаций от синтетических профилей. Орлова знала эти обозначения и не нуждалась в пояснении, какие люди на экране существовали только в сети.

Входящие сообщения ещё были сердитыми. Спрашивали, почему официальный ответ появился после слуха, кто теперь вернёт потраченные деньги за срочную поездку и можно ли доверять завтрашнему расписанию. Отдельные пассажиры благодарили работников станции. Орлова прочла несколько сообщений полностью.

— Вопросы о времени ответа оставить, — сказала она. — Дежурному дать точную отметку публикации. По лишним поездкам пусть транспорт ответит отдельно. У нас сведений о возврате нет.

Старший оператор развернул подготовленную подборку. В ней спокойные собеседники уже объясняли, что проход не закрывали, расписание доступно, паника мешает тем, кто действительно спешит. Для каждого сообщения были выбраны район, время выдачи и профиль. Тексты требовали её подтверждения.

Орлова остановилась на Вадиме Терне. На фотографии он стоял у окна, рядом с рассадой. В подготовленной реплике сообщал, что только что проехал через пересадку и всё в порядке.

— Первую часть убрать. Он там не был.

Оператор заменил фразу ссылкой на показанное расписание. Орлова проверила остальное. Терн был одним из удачных постоянных собеседников: выглядел взрослым человеком с повседневными заботами, не соглашался с каждой мелочью и редко переходил на чужие обвинения. Его страница годилась для разговора, в котором официальный ответ сам по себе уже вызывал возражения.

Терн существовал только в сети. Изображение окна с рассадой выбрали при подготовке страницы. Орлова знала, как его собрали. Бытовые подробности делали страницу убедительной, а источник голоса и внешность можно было менять независимо. Участникам ленты этого знать не полагалось.

В одном из следующих сообщений говорилось, что виноваты родители, привыкшие верить любому пересланному изображению. Орлова убрала обвинение. Люди испугались за детей; публично стыдить их сейчас означало вернуть спор к тому, кто имеет право беспокоиться.

— Здесь достаточно: расписание проверено, следующий состав будет по плану. И отвечать на вопросы по месту, без общих речей о благодарности.

Оператор показал итоговую очередь. Под разными именами должны были появиться десятки коротких подтверждений, затем ответы на самые заметные возражения. Между живыми сообщениями добавляли записи синтетических участников, чтобы открывший обсуждение человек встречал достаточно уверенных собеседников.

Орлова утвердила выпуск.

В районных обсуждениях спор продолжался; Орлова боялась, что очередное объяснение породит новую толпу. Ждать, пока нужное число реальных пассажиров вернётся домой и напишет о благополучной поездке, Орлова считала безответственным.

Молодая редактор спросила, сохранять ли внешнюю пометку о моделировании обсуждения. Она осталась в старом шаблоне для учебных показов.

— Во внутреннем журнале сохранить, — ответила Орлова. — В публичной ленте не ставить.

— Тогда участники не отличат эти сообщения от остальных.

Орлова посмотрела на неё. Та оставила указатель на поле отметки, не меняя настройку.

— Сообщения о маршруте проверены. Для людей сейчас важно, что поезд будет. Пометка заставит их сомневаться и в расписании, которое только что подтвердили.

Редактор убрала отметку. Орлова видела разницу между транспортным фактом и несуществующим пассажиром, который его подтверждал. Эту разницу она сознательно оставляла внутри ведомства. Обсуждение происхождения каждого голоса растянулось бы на дни, а плат-

форму нужно было освободить за минуты. Полученного результата ей хватало, чтобы разрешить следующий выпуск.

На экране снова появились живые сообщения. Мужчина благодарил дежурную, помогшую его отцу сесть в вагон. Орлова велела передать благодарность на станцию без редакционной правки. Сама перечитала её дважды и вернулась к служебной очереди, где спокойствие уже можно было поддерживать по утверждённому расписанию.

Юна Вель открыла запросы Яны: первичные отклики, старые семейные съёмки, собственное согласование. После них Мерц уже успела лично съездить к сестре. Орлова попросила расположить всё по времени.

— Что именно сохранила? — спросила Орлова.

— Первичную ленту и версии обращения. Остальное пока вижу по обращениям к разделам. Для состава выгрузки нужен отдельный запрос.

Юна увеличила строку старого согласования. Это было приложение с подписью самой Яны. Орлова вспомнила утренний разговор: первая подборка получилась убедительной, работа шла привычным способом. Она поручила кампанию человеку, который умел придавать чужой речи нужный вид. Теперь этот человек занялся основаниями такого использования.

Вошёл дежурный от службы Гармонии. У него уже был номер предварительной оценки. Он предложил приостановить рабочий допуск Мерц и доставить её для объяснений, пока материалы не ушли дальше. Для начала требовалась заявка ведомства.

— Основание? — спросила Орлова.

— Выборка закрытых материалов вне текущего задания. Нестандартные контакты.

Юна вывела рядом свежую отметку районной проверки. Яна посетила мастерскую взаимопомощи с активным служебным профилем, признала личную цель и получила замечание. В открытом учёте по этому адресу работала её старшая сестра. О содержании встречи в сводке ничего не было.

Орлова прочла пояснение. Временной порядок допускал простое объяснение: Яна нашла неприятную страницу в собственном прошлом и пошла к человеку, перед которым давно виновата. Допускал и подготовку утечки. Ни один вариант пока не был подтверждён.

— Заявку на задержание не согласовываю. Допуск оставить. Проверять служебные действия в пределах наших разделов. По остальному приносите конкретное основание.

Дежурный уточнил, кто отвечает за риск дальнейшей передачи. Орлова назвала себя и попросила записать решение в оценку.

Яну ещё можно было вернуть к работе. Если же исчезнет пропуск, появится официальная история преследования. Бывшее лицо кампаний Республики будет полезнее в студии, с возможностью рассказать о найденной ошибке, чем в комнате ожидания службы Гармонии.

Она вызвала Дания. Тот ответил из студийного коридора, попросил минуту и вышел туда, где стало тише.

— Яна работала у тебя с архивом?

— Сверяла старые сборки. Нашла расширение использования. Своё согласование тоже забрала.

— Что собирается делать?

— Говорила о пересмотре. Запись обращения пока отложила.

Орлова велела предложить Яне совместный разбор в ведомстве. О проверке допусков говорить не следовало. Данию предстояло выяснить, кому она показывает копии.

Даний помолчал.

— Ей дадут исправить порядок или предложат подписать объяснение о собственной ошибке?

— Сначала нужны материалы. Найдёт нарушение — будем разбирать нарушение. Ты знаешь, как с ней говорить. Предложи помощь, узнай, кто уже участвует. Возвращаться к работе ей должно быть проще, чем продолжать одной.

— Допуск останется?

— Сейчас его не ограничиваем.

Даний сказал, что свяжется с ней, и отключился. Орлова оставила его имя рядом с поручением. По этим вопросам Орлова решила, что он хочет вернуть Яну в знакомую жизнь. Этого расчёта хватало для первого разговора. Насколько далеко он готов зайти ради такого возвращения, предстояло выяснить по выполненной работе.

Юна закрыла районную отметку. Орлова поручила следить за запросами к таблице вещания: задание на сверку Мерц подписала заранее.

Начальник технической смены подключился в начале четвёртого. Орлова показала ему одиннадцатиминутный интервал перед перезагрузкой.

— Этап можно убрать, не меняя остальное? — спросила она.

Техник ответил, что таблица уже подписана региональными получателями. Часть приёмников переходила по заранее выданному расписанию. Если с их стороны пропустить сверку, некоторые линии примут переход за неисправность и останутся на прежнем маршруте. Уведомить все узлы одной ведомственной командой нельзя.

— Полностью задержать переход?

— Потребуется новое общее решение и подтверждение регионов. Срок я сейчас не назову. В действующем графике интервал остаётся.

На схеме оставались служебная маркировка, отключение отдельных входов и ручная замена потока. Последнюю подтверждал оператор каждой линии. Для общего обрыва требовались отдельный приказ и исполнители на нескольких участках; приёмники увидели бы прекращение передачи.

Орлова убрала со схемы предложение о сплошном отключении. После обещаний вернуть доверие пустой эфир оказался бы понятнее любой враждебной речи. Люди запомнят, что канал пропал именно тогда, когда началось незнакомое сообщение. Она собиралась дать им готовое объяснение раньше, чем они успеют выбрать своё.

— Подготовьте отметку о подложном включении. С указанием, что источник проходит проверку. Отдельно — официальную резервную ленту. Для замены должны быть оператор и подтверждённое основание в журнале.

Техник принял свою часть поручений. Редакцию и владельцев соседних линий уведомят отдельно.

В резервной подборке уже была обычная запись Яны о вреде слухов. Орлова попросила подготовить второй вариант, для случая её собственного несогласованного выступления. Внешность и голос сохранились в архиве прежних кампаний, для пробы достаточно было короткого текста.

Редактор открыл форму объяснения. В ней Яна должна была признать, что из-за нервного расстройства ошибочно истолковала рабочие документы, а теперь получает помощь и просит не распространять её прежние слова. Орлова прочла формулировку вслух, заменила ведомственные обороты привычными словами ведущей. Медицинского заключения о состоянии Яны у неё не было. Этот вариант готовили как ответ на возможное выступление, а не по результатам осмотра.

— Не делайте её беспомощной, — сказала Орлова. — Пусть говорит спокойно. Это тот же человек, которому зрители привыкли верить.

На экране появилась пробная Яна. Знакомый поворот головы, свет, камера. Она говорила, что неверно оценивала происходящее и теперь находится под наблюдением. Орлова

попросила убрать лишнюю улыбку и утвердила резерв. В основной ленте Яна Мерц по-прежнему приглашала к разговору о доверии.

Глава 7. Право забрать запись

День 1. 16:10–17:30.

Архивист поставил перед Яной пустой лоток и попросил пока не вынимать носитель из чехла. Сначала нужно было записать, от кого он получен и что на нём находится. В читальной комнате стояли два составленных стола; у окна сохранилась стойка для газет, занятая кабелями и коробками. Часы над закрытой дверью показывали шестнадцать десять.

Яна положила рядом записку Дары. Архивист прочёл только адрес, вернул листок и открыл журнал. Её фамилию произнёс без вопроса. Похоже, представляться лицом государственной кампании здесь не требовалось.

Она перечислила файлы. Заверенная выдержка из задания семейных благодарностей, сведения о двух производных образцах, исходное разрешение на одну передачу. Отдельно — собственное служебное согласование и утренние отклики на закрытую правку.

Архивист перенёс перечень в журнал, попросил разрешения открыть копию для проверки состава и только после этого подключил носитель к своему компьютеру. В служебный кабинет Яны отсюда входить не собирался. Когда она предложила сразу показать нужный раздел, он развернул экран: работали с тем, что уже вынесено, обращений к ведомственным архивам из этой комнаты не делали.

Яна назвала Лику Сом и объяснила, как получила выдержку. Для проверки передать её можно; публичного выступления Лика не обещала. Архивист отметил это возле фамилии источника.

— Здесь есть номер партии, — сказала Яна. — В студии по нему открылись сборки. Оговорка перешла из старой записи, вместе с ручной меткой.

— Самих сборок на носителе нет?

— Ссылки и сведения о составе. Запись семьи копировать целиком не стала.

Он открыл опись и сравнил её с перечнем файлов. Проверял каждую страницу, хотя Яна показала, где стоят номер и подпись приёмки. До обновления оставалось три дня. Ей хотелось, чтобы эту часть уже признали установленной и перешли к тому, как предъявить результат.

Архивист вернулся к первой странице.

— Нужна вторая сверка. Журнал, по которому исходные отрезки поступали в производство профилей.

— Копия заверена.

— Копия получена из указанного раздела. Но мы пока не видели другой стороны передачи.

Он показал ссылку на обучающую партию. По ней можно было искать следующий документ; она сама не давала прочесть его содержимое. Яна знала это и всё равно чувствовала раздражение. В редакции к такому материалу уже подбирали бы первые кадры. Здесь ей возвращали вопрос, который не удавалось убрать удачной склейкой.

— Значит, ждать ещё одну выгрузку?

— Получать её и сравнивать. Сохранить нынешнюю копию можем сейчас. Основания хранения уточним с источником.

Архивист подготовил место для неизменённого файла и отдельную рабочую копию. Яна проследила, чтобы служебное приложение тоже осталось в перечне. Ей выдали номер пакета — 186 — и записали, где находится исходное задание. Если позднее обнаружится ошибка в выдержке, вернуться требовалось именно к нему.

На телефоне появился ответ диспетчера Тамары: пояснение к задержке принято, время простоя передано на пересмотр. Яна попросила сообщить результат самой работнице и оставила сообщение в отдельном разговоре. Следом пришёл Даний: освободился, мог помочь разо-

брать пакет, спрашивал, с кем она уже говорила. Яна ответила, что свяжется позже, и убрала телефон со стола.

Архивист позвал Артёма. Мужчина у окна закрыл тетрадь и подошёл к экрану. Назвал себя: Артём Соль. Яна узнала лицо с прежних материалов о деле Кира. Прежде видела его на служебных снимках; сейчас на нём был старый тёмный свитер, а на рукаве зацепилась нитка от обивки стула.

Он прочёл опись. На фамилии Ники задержался, затем открыл утренний отчёт.

— Одногообразные отклики сами по себе не дадут доказательства, — сказал он. — Люди повторяют чужие слова. Иногда добровольно, иногда потому, что других от них не принимают.

Яна показала две версии закрытого обращения. В одной городу требовалась передышка, в другой — переналадка. Затем вывела время появления новых откликов.

— Это не общее сходство речи. Они отвечали на текст, которого не видели.

— На текст, который ты им не открывала. Кто ещё мог его получить?

Яна назвала доступные ей входы к файлу. Состав служебных подключений она ещё не знала; Артём оставил в пояснении этот пробел.

Потом они просмотрели карточку Вадима Терна и сведения о закрытом корпусе. Яна рассказала о Тамаре, которая стояла перед ней с тряпкой в руке, хотя в редакционной карточке у неё тоже отсутствовала доступная биография. Артём кивнул и отодвинул карточку от таблицы откликов.

— Эти пустые поля в доказательство подмены не включаем. Нужно знать, какое задание получил составитель профиля, когда собрал ответ и куда его выдал. А по месту — кто может подтвердить заявленное событие.

— То есть ещё раз искать человека за каждой страницей?

— Не за каждой. Проверить конкретные цепочки. Например, в журнале указан исходный отрезок и сборка. Сборка появляется под определённым профилем. Потом отдельно смотрим, что этот профиль сообщает о себе. Пустой адрес и запись о производстве — разные сведения.

Артём открыл чистый лист для порядка проверки. Говорил уверенно, быстро заменял её формулировки своими, решал, с какого объяснения стоит начинать будущий показ. Яна узнала удобство такого разговора: после него всегда получался готовый понятный вывод. Она сама любила давать собеседнику именно эту форму уверенности.

— С тем, что показывать первым, пока подождём, — сказала она. — Сначала получим то, чего здесь не хватает.

Он посмотрел на начатый лист, вернулся к источникам. Архивист рядом продолжал сверять опись, не вмешиваясь в их спор.

Прежний служебный доступ Артёму не вернулся. Для следующей сверки нужен был журнал из другого подразделения и человек с действующим допуском.

Яна вспомнила просьбу Лики не обещать за неё дальнейшего участия. Сначала нужно было позвонить ей о хранении. Поручать ещё один запрос, не сказав, кому уже передана копия, не хотелось.

Яна попросила показать районные свидетельства: реальные просьбы рядом с производными профилями. Архивист закрыл перечень.

— Для передачи не дам. Одни оставили документы на хранение. Другие разрешили проверить жалобу. О показе с ними не говорили.

Нужные истории были рядом. Яна уже прикинула начало передачи; теперь снова требовалось разговаривать с каждым.

— Можем предложить людям встречу, — добавил Архивист. — Согласятся — будешь спрашивать сама.

Артём указал на её опись.

— С Никой тоже. Здесь нет её согласия на новый показ.

Яна кивнула: семейную запись она сюда не приносила. Архивист положил перед ней лист с тремя пустыми строками — хранение, передача для сверки, публикация. Она взяла телефон и набрала Лику.

Лика ответила не сразу. Яна сказала, что находится у Свидетелей, назвала присутствующих и спросила, можно ли сохранить её ответ об условиях. После согласия включила запись.

— Выдержку оставляй для проверки, — сказала Лика. — Кто будет её получать дальше?

Архивист придвинул условия хранения. Яна прочла их Лике: исходная копия остаётся здесь, дальнейшие получатели записываются, публикация требует отдельного решения. В ведомственном запросе сохранится имя Лики, даже если его скроют в показе.

— Это понятно, — ответила Лика. — Личного включения пока не обещаю. Если соглашусь, а потом решу убрать его перед самым выходом?

— Уберём до публикации.

— Даже когда всё собрано и без него останется дыра?

Яна хотела сказать, что подберёт другую запись. Ещё не было ни передачи, ни собранной команды, а объяснение для неудобного отказа уже нашлось. Вспомнила утренний ролик Веры и отметку о закрытой жалобе.

— Если отзовёшь личную запись, показывать её не будем.

— После выхода тоже сможешь убрать?

— Из своих дальнейших показов — да. У зрителей могут остаться копии. Удалить их обещать не могу.

На связи было тихо. Яна слушала фоновый шум кабинета Лики и ждала. Обычно на этом месте хотелось ещё раз объяснить, почему человеку выгодно согласиться, снять тревогу удачным словом. Сейчас оставалось дождаться ответа на сказанное.

— Хранение и сверку разрешаю, — сказала Лика. — Публичный пакет сначала покажешь отдельно. Без медицинских приложений. Личное выступление пока не согласовываю.

Яна остановила запись и подписала карточку. Строка публичного использования осталась пустой.

— А если человек откажется уже во время самой передачи? — спросила она.

— Остановим его включение, — ответил Архивист. — Увиденное назад не вернём. Поэтому это тоже придётся сказать заранее.

В дверь постучали. Архивист открыл, впустил подростка с потёртой сумкой и представил его: Рэй. Тот вынул сложенную схему, убрал со стола пустой стакан и развернул бумагу между их компьютерами. Принёс маршруты старых линий, которые Свидетели проверяли для районной связи.

— Здесь два выхода к региональному мосту, — сказал он. — На первой линии нужен действующий техник. Дверь до узла откроет он. На второй — закрытая монтажная, со двора туда не пройти.

Яна наклонилась над схемой. Один путь шёл через обслуживаемый ретранслятор, другой упирался в помещение внутри редакционного комплекса. Рэй отметил проверенные участки и отдельно те, где ещё требовалось посмотреть доступ. Общего ключа к ним у него не было.

— Через рабочий проход можно зайти, — сказала Яна, узнав обозначение студийной галереи.

— До первой двери. Что дальше, узнаем у тех, кто там работает.

Рэй прижал карандашом угол карты. Яна вспомнила, как на проходах привыкла сначала показывать пластину, а потом выяснять, куда её пустили. Здесь на листе каждая дверь имела отдельную отметку.

Она раскрыла сохранённое расписание сверки каналов. С двадцати трёх часов через три дня должен был работать прямой мост; в двадцать три одиннадцать подписанная перезагрузка

меняла таблицу. Под заданием стояло её согласование размещения. Яна показала его Рэю, затем Архивисту.

— В этом интервале можно попробовать вывести прямой материал. Проверенные записи, людей, которые сами захотят ответить. Пока редакция получает готовое большинство, другого разговора почти не слышно.

Артём посмотрел на схему и спросил, какие именно приёмники смогут увидеть поток. Яна знала только назначение слота. Подпись не давала ей права открыть региональную линию без техника или отменить перезагрузку. Она сказала это, не предлагая сначала попробовать, а потом разобраться.

— Схему проверим отдельно, — сказал Рэй. — По времени на бумаге дверь не откроется.

Архивист вернул планшет Яне.

— Предложить такую проверку можешь. Чужие материалы до согласия участников в неё не входят. Архив под будущую передачу целиком не передаётся.

Яна попросила открыть служебное приложение из её пакета. Показала страницу, которую утром могла оставить в студии.

— Это согласование моё. На приёмке старого задания тоже моя подпись. Когда будем разбирать, откуда появились сборки, эта часть остаётся вместе с остальными.

Архивист добавил её пояснение к описи. Артём прочёл ремарку о естественности реакций. Яна не стала закрывать страницу и дождалась, пока он закончит.

К половине шестого у них были номера партии и линий для двух следующих проверок. Рабочую копию Яна забрала, неизменённую выдержку оставила Архивисту. Написала Лике о журнале производства. Та ответила: старый запрос уже подняли к комиссии, за следующим документом придётся идти в другой раздел. Яна вложила карточку хранения к копии и застегнула сумку.

Глава 8. Зал чужих лиц

День 1. 18:00–19:10.

Лика приложила браслет к стойке архивного павильона и придержала сумку коленом, пока служащая проверяла поручение комиссии. Ремешок сполз на кисть; хотелось поправить его прежде, чем загорится допуск, но она оставила руку на месте. Служащая вернула ей планшет и показала проход к монтажным комнатам. На экране остались фамилия Лики и время входа.

Утренний запрос уже попал к Маркварду. Второй нельзя будет представить продолжением случайно открытой папки. Лика шла сюда с его поручением собрать основания старых передач, но номер нужного журнала получила от Яны. В сообщении были указаны партия, два образца и недостающая связь между ними. Ни адреса, ни имён людей, с которыми Яна это обсуждала, на экран Лика не выводила.

Перед монтажным коридором работал зал калибровки. Обычно она проходила его за минуту, отмечая, готова ли смена. Теперь остановилась у первого ряда панелей. Пожилая женщина в домашнем жакете подняла ладонь. На соседнем экране такой же жест сделал мужчина с выбритой головой, за ним девушка в рабочей куртке. Лица отличались, рука проходила один и тот же путь от груди к плечу. Задержка между панелями создавала впечатление, будто вдоль стены идёт молчаливое шествие.

Лика узнала движение, которое утром увидела в пробе. В этой версии его заканчивали уступчивым поворотом головы. Поднятая ладонь уже никого не останавливала: человек словно просил дать ему вставить благодарность.

Монтажёр в больших наушниках протянула ей вторую пару.

— С третьей лучше пока не слушать. Голос от предыдущего прогона.

Лика надела наушники. Девушка на панели раскрыла рот, но прозвучал мужской голос. На слове «понимаю» губы уже сомкнулись. Несовпадение было небольшим; рука при этом двигалась убедительно, и взгляд сам возвращался к ней. Лика остановила воспроизведение, промотала назад и услышала перед фразой знакомый короткий вдох с щелчком.

Ей захотелось сдвинуть звук на несколько кадров. Исправить такой стык было легко, и от хорошего совпадения она по-прежнему получала удовольствие. Палец уже лежал над полем правки. Лика убрала руку и открыла сведения о сборке.

В зале проверяли два набора. У одного было шесть движений, у другого девять; лица менялись чаще, чем позы. Короткий вдох относился к семейной партии. Мужская фраза пришла из отдельного задания на объяснение школьных изменений. Их свели для проверки, оставив старую звуковую дорожку на соседней панели. Издалека все персонажи казались родственными копиями. По раздельным дорожкам было видно, где повторяли одну запись, а где лишь использовали одинаковый набор движений.

— Это ещё не выпуск, — сказала монтажёр, заметив, какую строку она читает. — Здесь проверяем сочетания. В работу берут по карточкам.

Лика поблагодарила её за наушники. Сходство лиц на стене ничего не говорило о числе выпущенных профилей. Нужны были карточки, по которым материал действительно ушёл из павильона. Она переписала обозначение семейного набора в запрос Яны. Номер совпал с утренней выдержкой, но рядом стояла другая дата: приёмка производственным отделом, на два дня позже редакционной.

У входа в монтажный коридор она нашла нужную комнату. Изнутри слышался Даний: он просил вернуть версию до замены звука. Лика увидела его через стекло и постучала. У неё появился способ сверить партию со стороны выпуска, без возвращения к собственному утреннему файлу.

Даний открыл ей и сразу подвинул со стула картонную коробку с кабелями. На рабочем столе лежала раскрытая пачка хлебцев; один он держал в руке, будто собирался что-то им указать на экране. В комнате пахло разогретым сыром.

— У вас в павильоне по-прежнему кормят после закрытия столовой? — спросила Лика.

— Поэтому все и знают, где искать монтажёров вечером.

Он положил хлебец на пачку. На мониторе женщина у окна говорила, что после пересмотра её положение стало понятнее. Даний остановил запись на середине фразы и показал Лике старое замечание заказчика: оставить только разъяснение порядка, без подтверждения результата. В позднюю сборку опять подтянулось «теперь нам помогли» из прежнего варианта. Он снял её с повторного выпуска, но исправление требовало указать, какой именно материал заменён.

— Удалишь один кусок, он при следующей сборке вернётся из утверждённого набора, — сказал Даний. — Нужно менять карточку, а у них название осталось старое. Ты по этому же поводу?

Лика показала поручение комиссии и номер СБ-214. Он развернул кресло к своему столу. Партия нашлась в журнале приёма; дальше требовалось открыть запись о выпуске. На эту часть у Лики собственного допуска не было. Даний мог открыть запись как редактор исправляемой версии.

— Яна сегодня тоже поднимала семейные дубли, — сказал он. — В студии. Вы вместе проверяете?

— Она сверяет редакционную сторону. Здесь нужна производственная. Пока у нас выдержка и ссылки на два образца.

Он уточнил, собираются ли они докладывать о подмене заказчику. Лика ответила, что сначала нужно проверить документы. Даний добавил поручение Маркварда к заявке на совместный просмотр. В поле сверяемой редакции вписал Яну Мерц. Лика не попросила убрать фамилию. Без указания второй стороны основание для сверки было бы неполным.

В журнале производственного приёма стояли номера файлов и подпись принявшего их сотрудника. Даний вывел рядом свою выпускную карточку. Номер набора совпал; ссылка на акт Яны вела к приёмке, включённой в утреннюю выдержку Лики.

Служебная проверка подтвердила подписи в приложенных согласованиях. По датам разрешение на расширенное использование поступило до начала выпуска. Лика прочла фамилию Яны, затем свою в согласовании семейной съёмки. Ей не хотелось видеть, как Даний читает ту же строку.

— Напиши основание сверки полностью, — сказала она. — Твоя карточка, версия до исправления, номер журнала. И что именно совпало.

— Тебе нужна заверенная выписка?

— Да. Утром получила со своей стороны. Теперь нужна отсюда.

Даний подтвердил в форме соответствие принятой партии материалу выпуска, отдельно отметил своё исправление. Лика сохранила документ вместе с журналом просмотра. Его подпись означала только эту сверку. О передаче материалов Свидетелям она ему не рассказывала.

— У Яны всё в порядке? — спросил он, пока оформлялось согласование.

Лика вспомнила её голос из читального зала. Та старательно объясняла право отказаться, словно училась произносить непривычные рабочие условия.

— Спроси у неё.

— Спрашиваю. Получаю ответ, что свяжется позже. Ты понимаешь, чем закончится, если она пойдёт с этим к чужим людям прежде, чем разберётся?

— Часть согласований её. Уже разобралась.

— Поэтому и говорю. Сейчас ей нужен человек, который поможет исправить, а не поставит рядом с документом.

Он предложил дождаться окончания выгрузки вместе. Лике хотелось согласиться: второй человек у стола делал работу обычной. Но Даний уже проверил нужную связь, а следующие страницы касались людей, которых он не монтировал. Она сказала, что разделит приложения сама. Он уступил ей рабочее место, забрал хлебцы и ушёл в соседнюю комнату заканчивать исправление. В форме остались его имя, основание просмотра и фамилия Яны.

За журналом открылась опись приложений. Политические задания занимали несколько страниц; к каждому присоединяли основание использования исходной записи. Лика развернула первую связь и увидела семейную медицинскую карточку. Там были фамилии, адрес сопровождения, даты посещений. Ниже — примечание о том, в какие часы удобно связаться с матерью. Поле заполнили для съёмочной группы. Его сохранили рядом с материалом, из которого теперь собирали собеседников для школьных споров.

На соседней строке стоял номер СБ-214. Лика остановилась прежде, чем открыла карточку целиком. Утром она уже исключила медицинские приложения из своей выдержки. В производственной описи они снова были включены в состав выдачи: архив выгружал основания вместе с источниками.

Готовый пакет можно было забрать сразу. Согласование на аудит позволяло Лике получить связанный раздел; её медицинского допуска хватало и для семейной части. Потом на своём рабочем месте она убрала бы лишнее и отдала Яне оставшееся. Это заняло бы несколько минут. В сумке лежал запасной носитель, которым она собиралась воспользоваться.

Лика посмотрела на него и закрыла окно полной выдачи. При потере или проверке сумки семейные сведения достались бы тому же человеку, что и журнал. Копия с маршрутами матерей годилась для чужой работы гораздо лучше, чем номера производственных заданий. Она вынула носитель, оставила его на столе и выбрала подготовку отдельной выписки.

На первом просмотре всё выглядело правильно: задания, время, сборки, ссылки на выпуск. Но возле одной строки в примечании сохранился адрес. Лика убрала колонку медицинских сведений, а адрес остался. Его вписали вручную в название приложения, и обычное исключение полей на него не действовало.

Пришлось заново отобрать страницы. Вместо семейных карточек Лика оставила их архивные номера: происхождение можно будет сверить внутри хранилища.

На третьем задании Лика обнаружила своё старое пояснение. Для повторных записей рекомендовалось сохранить обстановку: привычное кресло, одежду, положение камеры. Так легче получать непрерывный рассказ. Она помнила, как хвалила эту инструкцию: меньше поездок, меньше утомительных пересъёмок. Сейчас в соседнем столбце стояло, сколько раз извлечённую из того рассказа паузу использовали для новых фраз.

Лика скопировала пояснение в выписку. В нём не было сведений о пациентах, только её работа. Затем вернулась к строкам выпуска. Один и тот же звуковой отрезок числился в нескольких завершённых сборках. Номера и даты отличались; приём каждой отмечали отдельно. Это были уже не пробы, которые она видела на стене.

В журнале сохранились и решения о передаче наборов для сетевых профилей. Лика оставила их вместе с номерами исходных заданий. Ссылки на две сборки из сообщения Яны нашлись в общем перечне; рядом были другие, которых утром они ещё не видели. Теперь можно было показать повторное использование по цепочке записей, не предлагая узнавать мать по дыханию.

Было уже без десяти семь. Лика повела затёкшим плечом, написала Яне, чтобы подошла к внешней стойке павильона к семи. Проверка состава выдачи продолжалась в отдельном окне с начала работы. Пока она разбирала приложения, в нём появилась отметка о пересечении разделов и вызове дежурного. До конца оставалась одна страница.

Лика написала в пояснении: получает журнал без семейных медицинских карточек. Слово «обезличенный» стёрла — её фамилия и номера заданий оставались на месте.

Дежурный вошёл, пока готовился просмотр выписки. Поправил перекрученную ленту пропуска и спросил, почему из монтажной запрашивают медицинские основания. Лика показала поручение комиссии и согласование сверки. Он сел рядом.

— Для комиссии можно получить связанный пакет, — сказал он. — Не надо разбирать его здесь по страницам. У вас же есть допуск.

Лика вернула первый просмотр с адресом в примечании. Дежурный прочёл строку до конца. По его просьбе она показала, как исключала медицинские поля, не запуская новую выдачу. Адрес остался на месте.

Дежурный велел заменить названия исключённых приложений служебными номерами и заверил отдельную выписку. Оригинал оставался в архиве.

— Редакционная сторона — Мерц? — спросил он.

Дежурный показал поле получателя: для выдачи через два раздела требовалось указать редакцию. Фамилию Яны из совместного запроса переносили в карточку копии. Карточку должны были отправить владельцам обоих разделов.

— У неё допуск действует? — спросила Лика.

Дежурный проверил её статус. На экране появилось подтверждение, и Лика испытала облегчение. За несколько секунд она успела представить проверку, о которой ей ещё не сообщили, закрытую дверь и разговор у стойки. Хотелось, чтобы Яна по-прежнему могла просто прийти на работу.

Лика указала Яну получателем и предупредила её: о копии узнают оба отдела. В журнале уже стояли две фамилии.

Она открыла файл с носителя. Проверила источник, время, основание выдачи и состав исключённых приложений. Дальше шли приёмка, подписи и карточки выпуска. Утренняя выдержка теперь подкреплялась документом другого отдела, полученным при участии Дания.

В конце журнала была отметка о смене схемы распространения после перезагрузки в двадцать три одиннадцать, через три дня. В её сменном задании этим временем заканчивался ручной резерв. Лика проверила дату, открыла приложенный лист подготовки и сначала приняла его за заявку на будущих персонажей.

Но строки относились к группам аудитории. Одной назначали успокоение, другой — настороженность, следующей — готовность поддержать разъяснение. В графах будущих выступлений стояло «ожидается запись». Из листа нельзя было понять, какими средствами будут получать нужную реакцию; подробных настроек здесь не было. Архивный номер страницы значился в описи выписки. Лика сообщила его Яне.

Она вышла в монтажный коридор с обычным рабочим пакетом. Дверь открылась по браслету; у стойки выдачи дежурный сверил номер копии с разрешением на аудит и вернул носитель. За стеклом продолжалась калибровка. У мужчины на первой панели теперь совпадали губы и голос. Лика отвела взгляд, когда начала подниматься рука.

У внешней стойки Лика показала Яне их фамилии в карточке и объяснила участие Дания. Затем открыла последнюю страницу выписки. В соседних графах стояли будущие реакции аудитории и ещё не записанные выступления. Яна наклонилась ближе, дочитала обе строки. Лика передала ей носитель для проверки.

Глава 9. Лестница без зрителей

День 1. 20:00–21:30.

Рэй придержал ногой прилавочную шторку, пропуская Яну в боковой ряд рынка. За шторкой мастер испытывал восстановленный чайник: вода ещё не закипела, а покупатель уже требовал начать отсчёт гарантийного часа после проверки. Яна прижала сумку к боку, чтобы не задеть провод, и протиснулась следом за Рэем. Новая копия Лики лежала во внутреннем кармане. До этой поездки ей казалось, что маленький носитель удобнее бумаги; теперь она постоянно проверяла застёжку.

В восемь вечера рынок остаточных услуг ещё работал. Здесь можно было докупить несколько стирок к старому абонементу, перенести ремонтный час, найти человека, который возьмётся за списанный блок. Рэй остановился у стола под вывеской проверки соединений. Женщина в серой рабочей куртке держала зажимом кабель, пока посетитель пытался повернуть разъём против резьбы.

— Если сейчас дожмёте, проверять будет нечего, — сказала она и забрала у него блок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.